КОЗЛОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Малая серия · Второе издание

Редакционная коллегия

И. Л. ГРУЗДЕВ, В. П. ДРУЗИН,
А. М. ЕГОЛИН, А. А. ПЛОТКИН,
А. А. ПРОКОФЬЕВ, В. М. САЯНОВ,
И. В. СЕРГИЕВСКИЙ, Г. Э. СОРОКИН,
Н. С. ТИХОНОВ

Советский Писатель

Н. КОЗЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья,
редакция
и примечания
Е. Н. КУПРЕЯНОВОЙ

Советский Писатель 1948

Малая серия № 55

И. И. КОЗЛОВ

1

«В области литературы, — писал Белинский, — бывают произведения, по своему внутреннему достоинству не принадлежащие искусству, но тем не менее составляющие эпоху в литературном и общественном образовании народа». К таким произведениям Белинский относил «Бедную Лизу» Карамзина и поэму Козлова «Чернец». Значение этой поэмы Белинский измерял тем, что она была в «уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятиями своего времени», была «по плечу всякому образованию» и в силу этого «прибавила много единиц к сумме читающей публики и пробудила не одну душу, дремавшую в прозе положительной жизни».

Сказанное Белинским о «Чернеце» может быть распространено и на все творчество Козлова в целом.

В свое время, в 20—30-е годы прошлого века, оно имело поистине необыкновенный,

огромный успех. Прославленный поэмой «Чернец», Козлов был в глазах современников одним из талантливейших и самобытнейших русских поэтов. Но успех этот был непродолжителен. Уже к концу 30-х годов многим стало ясно, что к сказанному в «Чернеце» и перепетому потом в многочисленных стихотворениях Козлову нечего прибавить. Стало очевидно, что, стоя одно время как бы рядом с Пушкиным и Жуковским, Козлов «по форме своих сочинений... всегда был подражателем Пушкина, по господствующему же чувству оных находился под влиянием Жуковского» (Белинский). Слава Козлова умерла вместе с ним. Для последующих поколений Козлов остался только автором нескольких лирических стихотворений, прочно вошедших в хрестоматийный оборот.

И тем не менее, для своего времени поэзия Козлова была явлением значительным и успех ее был закономерен.

Для уяснения хода развития русской поэзии знакомство с творчеством Козлова необходимо, оно помогает нам понять некоторые существенные черты русского художественного сознания 20—30-х годов прошлого века, и оно же наглядно иллюстрирует историческую обреченность художника, остающегося в стороне от передовых общественных идей и устремлений своего времени.

2

Иван Иванович Козлов родился 11 апреля 1779 года в родовитой московской дворянской семье. Он получил неплохое домашнее образование. С детства он владел в совершенстве французским и итальянским языками и имел хорошие знания в области русской и иностранной литературы. О поэтическом поприще Козлов в юности не думал. Семейные связи, родовитость, светское воспитание в соединении с незаурядными способностями открывали перед ним путь к блестящей служебной карьере и видному положению в свете. К началу 1800-х годов Козлов успел и в том и в другом. «Блестящий гвардейский офицер, позднее чиновник на хорошей дороге, он славился как франт и танцор в Москве», — вспоминает о Козлове один из его современников — Жихарев.

В 1809 году Козлов женился. Через год у него родился сын, еще через два — дочь. Однако счастливое течение жизни Козлова было нарушено страшной болезнью, постигшей его и перевернувшей весь ход его жизни.

В 1816 году у Козлова начали постепенно отниматься ноги. Он упорно лечился, но все возможные способы лечения не принесли ему облегчения. Болезнь медленно, но верно прогрессировала, и к концу

1819 года Козлов совершенно потерял способность передвижения. Отныне он навсегда остается прикованным к постели. Но болезнь на этом не остановилась. С этого времени Козлов начал также постепенно терять зрение и в 1821 году ослеп совсем. В таком положении, слепой и неподвижный, подверженный припадкам страшных физических страданий, Козлов прожил еще 22 года.

Эти 22 года были для Козлова годами упорной и плодотворной творческой работы. «Несчастье сделало его поэтом, — писал о Козлове Жуковский, — и годы страданий были самыми деятельными годами ума его. Знавши прежде совершенно французский и итальянский язык, он уже на одре болезни, лишенный зрения, выучился по-английски и по-немецки. . . он знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтер Скотта, лучшие места из Шекспира, так же как прежде всего Расина, Тасса и главные места из Данте».

Козлов начал свою литературную деятельность как переводчик Байрона. Ему было тогда уже сорок лет. Первым известным нам поэтическим опытом Козлова был перевод поэмы «Абидосская невеста», начатый в 1819 году (он был закончен и напечатан полностью в 1826 г.). Отрывки из этого перевода печатались в различных журналах начала 20-х годов

С этого же времени, с 1822 года, стали появляться в журналах самостоятельные лирические стихотворения Козлова.

Эти первые опыты встретили горячую поддержку со стороны Жуковского, и скоро имя Козлова, слепого поэта-страдальца, получило широкую известность и популярность как в читательских, так и в литературных кругах.

Но подлинный литературный триумф принесла Козлову его первая самостоятельная поэма «Чернец». Она была напечатана в 1825 году. В том же году потребовалось второе издание, а в 1827 году вышло третье. В 1839 году в Петербурге поэма была издана в переводе на французский язык. «Слава Козлова, — писал Белинский, — была создана его «Чернецом». Несколько лет поэма ходила в рукописи по всей России прежде, чем была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слез с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины».

Так с первых же шагов своей поэтической деятельности Козлов завоевал себе популярность среди читателей.

Издатели журналов и альманахов гонялись за стихотворениями Козлова. Некоторые из них появились в нескольких журналах одновременно — факт в издательской практике того времени исключительный. Издатели платили Козлову самый высокий гонорар.

Собрание стихотворений Козлова, не считая отдельных изданий его поэм, было издано трижды (в 1828, 1833, 1844 гг.; последнее издание — посмертное).

В 20—30-е годы дом Козлова был одним из центров литературной жизни Петербурга. Помимо Жуковского, близкого друга Козлова, у него постоянно бывали А. И. Тургенев, Гнедич, Плетнев, Крылов, Грибоедов, Баратынский, Дельвиг, Оленин, Зинаида Волконская, а также композиторы Глинка и Даргомыжский.

До 1825 года дом Козлова привлекал к себе и поэтов-декабристов — Рылеева и Кюхельбекера, а также младших братьев Тургеневых, Николая и Сергея. Бывал в эти годы у Козлова и Лев Пушкин. Он читал слепому поэту произведения ссыльного Пушкина. Сам Пушкин в ответ на присылку ему «Чернеца» написал Козлову стихотворение:

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел,
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Чудесным пением своим
Он усыпил земные муки;

Тебе он создал новый мир;
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитой юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Эти строки очень точно воспроизводят образ Козлова, каким он был для своих современников, образ кроткого поэта-страдальца, силой своего творческого дара преодолевшего постигшее его несчастье и создавшего себе свой особый мир, мир поэзии и красоты.

Реальная жизнь Козлова не всегда соответствовала этому облику. Иных средств существования, кроме литературного заработка, у Козлова не было. Для содержания семьи заработка этого нехватало. Семья часто бедствовала. Кредиторы осаждали дом. Материальные заботы и все усиливающиеся физические страдания приводили Козлова в состояние постоянного нервного раздражения.

К концу 30-х годов здоровье Козлова стало ухудшаться. В октябре 1837 года Жу-

ковский писал Вяземскому: «Навести Козлова, он в ужасном положении. Пальцы уже одеревянели, его язык начинает неметь. Слух давно ослабел. А душа как будто живет». 20 января 1840 года у Козлова началось воспаление мозга. 30 января наступила смерть.

3

Начав писать в сорок лет, Козлов не знал годов ученичества. Его поэтическое лицо определилось с первых же стихотворений и оставалось неизменным до самого конца его жизни. «Арфа страданья, арфа терпенья», — так характеризовала поэзию Козлова Зинаида Волконская в обращенном к нему стихотворении 1838 года. Этой характеристике отвечали не только лирические стихотворения Козлова, но и его поэмы. Говоря о «Чернеце», Белинский писал: «Несколько сентиментальный характер поэмы, горестная участь ее героя, а вместе и горестная участь самого певца, — все это доставило «Чернецу» едва ли не больше читателей, чем поэмам Пушкина, которого высокохудожественная деятельность была тогда, да еще и теперь, слишком немногим по плечу».

Слова Белинского свидетельствуют, что для восприятия «Чернеца» современниками и для необыкновенного успеха поэмы «горестная участь певца» имела немаловажное,

может быть решающее значение. Она была той художественной перспективой, в которой образ героя поэмы, уже довольно традиционный в эти годы образ байронического героя, приобретал черты психологической подлинности и индивидуального своеобразия.

Эта проекция героя и его судьбы на житейский облик и житейскую судьбу автора и обратное преломление в образе лирического героя опоэтизированного авторского «я» вскрывают самую сущность художественного мировоззрения и метода Козлова.

Одной из значительных проблем русской поэзии первой четверти XIX века была проблема художественного раскрытия внутреннего мира человеческой личности как конкретной и неповторимой индивидуальности. Эта проблема была выдвинута перед русской поэзией ростом национального и общественного самосознания. Утверждение самоценности человеческой личности как таковой, интерес и внимание к ее внутреннему миру были необходимым этапом в развитии общественного самосознания по пути освобождения его от оков сословно-абсолютистской морали.

Первым художественным выражением этих назревших общественных тенденций явилось творчество сентименталистов. Но русский сентиментализм еще в значительной мере оставался скован рационалистическим представлением о единстве и неизменности при-

роды человека во всех ее частных, индивидуальных, социальных и исторических проявлениях.

Не решенное, а только лишь поставленное сентиментализмом требование психологической правды поэтического творчества и индивидуального своеобразия лирического героя стало одной из характерных проблем русского романтизма конца 10-х и начала 20-х годов.

Однако лирический герой романтической поэзии, и даже герой южных поэм Пушкина и лирическое «я» его романтической лирики, равно как поэм и стихотворений других русских романтиков того времени, значительно отличаясь от сентиментального «чувствительного» героя своим мятежно-протестующим духом, — в сущности тоже еще условен. В своих многочисленных вариантах романтический герой повторяет одну и ту же лишенную конкретных индивидуальных и социальных черт идеальную норму личности, ищущей, протестующей во имя столь же условной, абстрактной свободы.

Проблема раскрытия внутреннего мира личности была решена только зрелым Пушкиным. Пушкин преодолел условность романтического героя и нашел путь к раскрытию неповторимого своеобразия внутреннего мира человеческой личности. Он понял и объяснил ее как результат определенных исторических и социальных условий. Это открытие

знаменовало преодоление романтизма и открывало славную эпоху русского реалистического искусства.

Необходимой подготовительной ступенью к великому делу Пушкина в данном вопросе было творчество Жуковского.

Жуковский создал поэтический язык, способный к выражению индивидуальных, неповторимых душевных состояний и переживаний. Жуковский необычайно обогатил эмоциональную выразительность русского поэтического языка.

Однако лирический герой поэзии Жуковского лишен жизненной конкретности. Он не присутствует в стихах Жуковского, а всего лишь как бы подразумевается за ними, и стихи развертываются как гамма чувств и переживаний единой и неизменной лирической тональности. Чувства и переживания выступают в лирике Жуковского как самоцель поэтического изображения. Автору как бы не важно, какими жизненными обстоятельствами они вызваны. Стихотворение Жуковского — это выражение определенного душевного состояния как такового.

Именно этот принцип, лежавший в основе романтической поэзии, выдвинул критерий психологической подлинности, пережитости автором выраженных в стихотворении чувств. Этот критерий находился в противоречии с условностью лирического героя романтической поэзии, и это было одним из типиче-

ских противоречий романтизма начала XIX столетия.

Оставаясь романтиком, Жуковский не мог разрешить это противоречие, но он сделал первый и значительный шаг в этом направлении.

Лирические стихотворения Жуковского построены в соответствии с его собственной жизненной судьбой, с определенными фактами его собственной житейской биографии.

Несчастная любовь Жуковского к М. П. Протасовой, намеки на которую рассеяны в его стихах, является как бы биографическим подтекстом его лирики, биографическим комментарием и свидетельством психологической подлинности выраженных в ней чувств и настроений.

«Жуковский был первым поэтом на Руси, — писал Белинский в 1843 г., — которого поэзия вышла из жизни... До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией».[1]

Осмысление поэтического творчества как своего рода единого лирического монолога, единого лирического потока, отдельные стихотворения которого звучат как части лирической биографии поэта, и было тем прин-

[1] „Сочинения Александра Пушкина", статья вторая.

ципиально новым, что внес Жуковский в представление об образной структуре поэзии.[1] На этом новом принципе строился поэтический облик целого ряда русских поэтов 10—20-х годов.

Преднамеренное, заданное в стихотворениях соотнесение их с фактами личной житейской биографии поэта создавало эстетическое обоснование психологической подлинности поэтического творчества. В этом соотнесении то и другое своеобразие личной судьбы поэта как бы сообщало самобытность и его творчеству, заставляло видеть в нем новое и самостоятельное поэтическое слово.

С наибольшей отчетливостью эта характерная особенность русского поэтического сознания 1820-х годов сказалась в творчестве Козлова. Из всех поэтов того времени Козлов наиболее «биографичен». Нового слова в русской поэзии он не сказал, но довел до предела и сделал доступным и понятным для сравнительно широких читательских кругов достигнутое его предшественниками.

По своему художественному мировоззрению Козлов не более как ученик и последователь Жуковского. Но исключительные и трагические обстоятельства его жизни, получив своеобразное эстетическое осмыс-

---

[1] Об этом см. подробнее в книге Г. Гуковского „Пушкин и русские романтики". Саратов, 1946.

ление в его творчестве, придали ему в глазах современников исключительное значение.

Поэзия Козлова — это поэзия чувства и настроения прежде всего. Чувство и настроение выступают в творчестве Козлова в качестве основных эстетических и психологических категорий, притом глубоко субъективных. Обстоятельства и явления объективного мира, вызывающие у лирического героя те или другие чувства и настроения, — это не более как чисто внешняя и в конечном счете случайная мотивировка того или другого психологического эмоционального состояния. Вот почему мелодраматическая судьба невольного убийцы-чернеца, столь не похожая на «горестную участь» сраженного неизлечимою болезнью и до того преуспевающего в жизни светского щеголя, не мешала читателю видеть в душевных страданиях чернеца поэтический отблеск страданий самого Козлова, и это входило в самый замысел поэмы:

Как мой чернец, все страсти молодые
В груди моей давно я схоронил;
И я, как он, все радости земные
Небесною надеждой заменил, —

говорит Козлов в «Посвящении» поэмы.

Для Козлова-поэта важны не объективные причины и предпосылки чувств, а их субъективное содержание. В поэзии

Козлова различные жизненные обстоятельства могут порождать у различных людей одинаковые психологические состояния.

Козлов предпослал изданию «Чернеца» послание «Другу В. А. Жуковскому». Это лирическая исповедь, лирическое повествование о «горестной участи самого поэта». Ее лейтмотив —

Навеки окружен я тьмой,
Любовь, жизнь, счастье, всё за мной —

звучал как перифраза лирического лейтмотива «Чернеца»:

Я всё имел, всё потерял. . .

Тем самым поэма Козлова отвечала основному требованию романтической эстетики.

В одном из своих стихотворений Баратынский формулировал его так:

Когда печалью вдохновенный
Певец печаль свою поет,
Скажите, отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
. . . . . .
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,

Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами
Подобно мученику он. . .

Эта характеристика «душемутительного поэта» до такой степени подходит к поэтическому облику Козлова, что, кажется, Баратынский имел в виду именно его.

Выражением «сердечных судорог» самого поэта звучала для современников и поэма «Чернец». В 1839 году Белинский характеризовал «Чернеца» как «бледное и слабое произведение в целом», но отличающееся «множеством поэтических частностей». Белинский называл Козлова поэтом в душе, «который, не будучи в силах совладать с большими размерами, поэтически высказал в мелких произведениях поэтические ощущения своей поэтической души».

И действительно, несмотря на бурный успех первой поэмы Козлова, эпическая форма была чужда его творческим устремлениям. Козлов совершенно не владел повествованием, не мог построить действие, да оно и не было для него важно. Главное в «Чернеце» и в других его поэмах — это лирические монологи, «поэтические частности», излияния души как героя, так и автора. Все остальное, в том числе и развитие дей-

ствия, — не более как внешняя мотивировка этих монологов.

Со всей отчетливостью это обнаружилось в двух следующих поэмах Козлова: «Наталья Долгорукая» (1828) и «Безумная» (1830). Никакого действия, никакой требующей развития драматической коллизии в них нет. Наталья Долгорукая, добровольно разделившая участь своего мужа, Ивана Долгорукого, сосланного после смерти Петра II, и разлученная с ним в ссылке, пробирается в Москву для того, чтобы узнать о судьбе мужа. Убедившись в его гибели, она постригается в монахини. Таков несложный сюжет поэмы, состоящей из огромных лирических монологов, психологическое содержание которых может быть формулировано словами Чернеца: «Я всё имел, всё потерял».

Еще характернее в этом отношении поэма «Безумная». Козлов назвал ее «русской повестью». Однако повествовательный элемент в ней почти отсутствует. Дорожная встреча автора с девушкой, потерявшей рассудок от горя, причиненного ей изменой любимого, — вот весь ее сюжет. Изображение «сердечных судорог» безумной — все ее содержание.

В предисловии к поэме Козлов писал: «Поэзия, или вернее поэтическая сторона, есть в каждом предмете... Тихая, беззаботная любовь простодушной поселянки меньше представляет красок для поэ-

зии, нежели ужасные следствия измены, так дико омрачающие ум ее. Мы видим с удивлением, что эта бедственная, едва ли не сонная прежде душа вдруг восстает и с каким-то исступлением раскрывает таившуюся в ней силу. Поэтическое разнообразие дум, передаваемых нам то мятежною, то утихающею страдалицей; картины природы, в которых столько гармонии с ее сердцем; единство с главным предметом в самых отступлениях автора — все это вместе составляет целое, столь же поразительное, сколько и занимательное.

В подобных сочинениях не может быть действия, или, по крайней мере, оно без приметного движения. Но тем не менее мы чувствуем их влияние на душу свою.

Так, содержание живой картины, в которой актер отвергнул все мимические пособия, — эти орудия волшебной власти его над нами, — часто пленяет нас не менее представления трагедии».

Это высказывание раскрывает перед нами характернейшую черту творчества Козлова. Поэт единой в сущности темы, живописующий во всех своих произведениях

И скорбь души, обманутой мечтами,
И пыл страстей, волнующий сердца,

Козлов никогда не поднимается до подлинного драматизма. Чувство выступает в про-

изведениях Козлова как самодовлеющая психологическая и эстетическая стихия, отвлеченная, очищенная от всего, что составляет реальное, жизненное, объективное ее содержание. В силу этого Козлов не дает его развития, не показывает его действия, не вскрывает его внутренних коллизий, а дает неподвижную, именно «живую картину» того или другого эмоционального состояния, душевного настроения. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы такие лучшие и известнейшие стихотворения Козлова, как «Венецианская ночь», «Вечерний звон» и др.

Характерно, что в такую же неподвижную, лишенную действия картину превращаются у Козлова и повествовательные жанры. О поэмах уже говорилось выше. Но еще показательнее в этом отношении многие баллады Козлова. Возьмем для примера «Тайну». На фоне мрачного романтического пейзажа в глухую осеннюю ночь, у таинственной могилы, осененной древним дубом, появляются монах и прекрасная женщина. В припадке безумной скорби она бросается на могильный холм:

Безумный яд зажегся в мутном взоре,
Сердечный вопль немеет на устах,
Она ушла, и лишь в дремучем боре
Таинственный один остался страх.
И меж дерев уж факел не мерцает,

Не шепчет лист, и тайны роковой
Ужасен мрак; никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу при тьме ночной.

Передать настроение «таинственного страха», «ужасного мрака роковой тайны», дать их «живую картину» — вот к чему стремится Козлов в своей балладе, вытравляя из нее характерные признаки балладного жанра — элементы действия, повествования.

Козлов владел поэтической живописью чувства и настроения и умел передавать их тончайшие оттенки.

Музыкальность и красочность его стиха, удивительная для поэта-слепца яркость зрительных образов, глубокая эмоциональность стихов Козлова — все это расширяло выразительные средства русского поэтического языка, углубляло достижения поэтической школы Батюшкова, Жуковского. Было у Козлова и то, что было еще недоступно Батюшкову, и чего только отчасти достиг Жуковский, — единый и цельный образ лирического героя, органически слитый с опоэтизированным обликом авторского «я» — певца-страдальца.

Глубочайший субъективизм творчества, в котором внешний мир и его впечатления предстают не как предметы художественного изображения, а всего лишь в качестве материала и повода к проявлению внутреннего мира поэта и прежде всего его чувств,

настроений, душевных состояний — был для Козлова глубоко органичен. В его дневнике 1819 года встречаем следующую характерную запись: «Сколько раз было говорено, и я повторяю еще раз: чувствительность есть и прекрасный и пагубный дар неба, но, при всем том, даже страдание чувствительного сердца предпочтительнее пустоте душевной. Я люблю свое сердце (подчеркнуто Козловым), какое оно есть, я хочу, чтоб оно всегда таким осталось».

Несколько наивный и экзальтированный культ своего «чувствительного сердца» сообщил подчеркнуто субъективистский характер и лирическое единство всему творчеству Козлова.

Для эстетического же сознания эпохи то и другое было самым общедоступным и несомненным критерием жизненной правды поэтического творчества. Это и было именно то, что ставило поэзию Козлова «в уровень со всеми натурами, со всеми чувствами и понятиями своего времени». Ставило в уровень, но не превышало его.

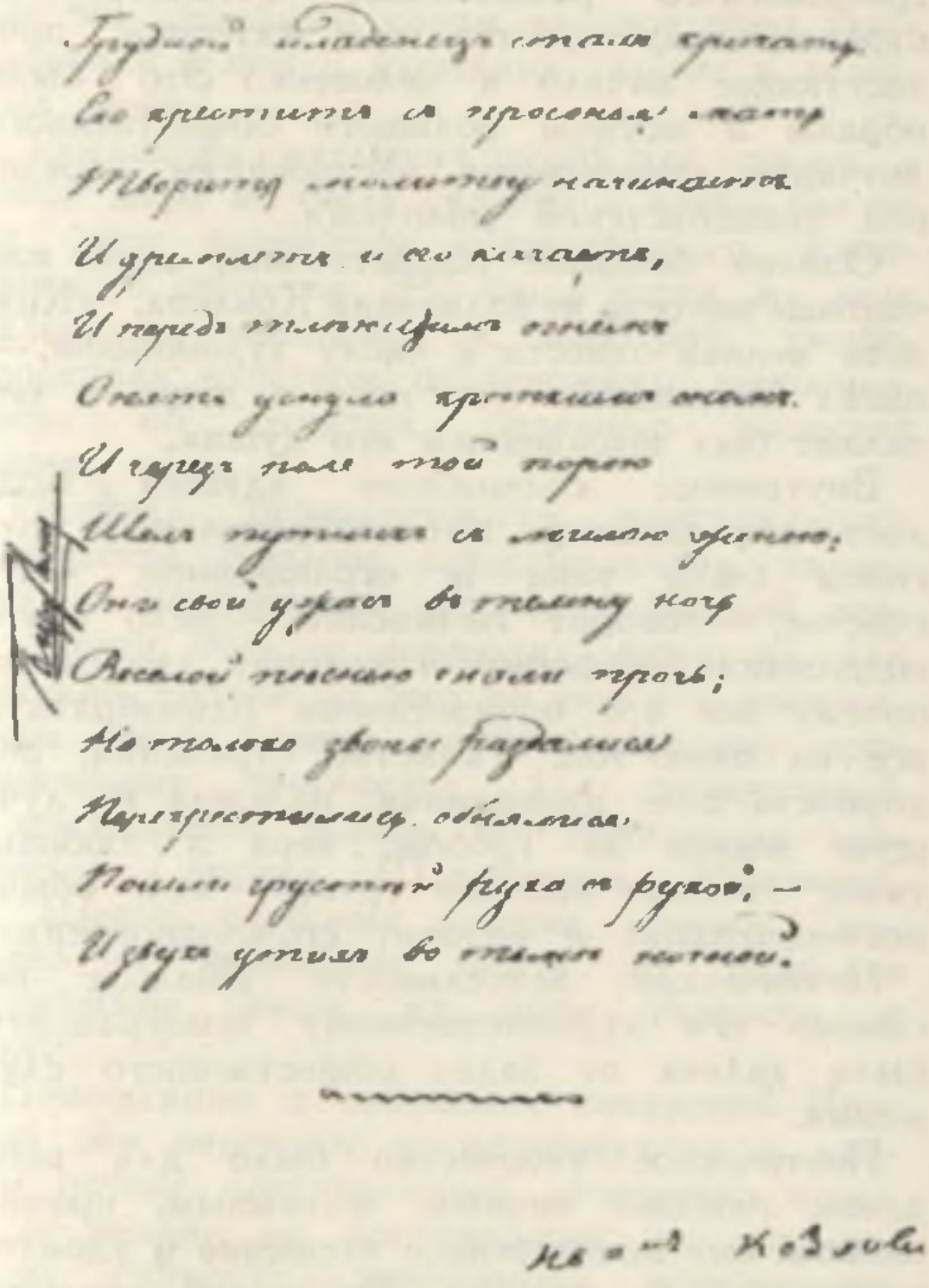
4

Белинский первый указал на идейную ограниченность поэзии Козлова, и суд Белинского оказался приговором потомства.

Творчество Козлова не лишено гражданских и свободолюбивых мотивов. Такие стихотворения, как «Пленный грек в темнице», «Песня бойца» и др., отражают сочувствие поэта к национально-освободительной борьбе угнетенных народов.

Попытка придать своим героям и лирическим темам национальный, русский колорит является довольно настойчивой тенденцией всего творчества Козлова и отвечает устремлениям поэзии гражданского романтизма. Так, действие «Чернеца» развивается на фоне киевского, богатого историческими воспоминаниями, пейзажа. «Наталья Долгорукая» воскрешает в памяти один из кровавых эпизодов дворцовых интриг и распрей XVIII века и внушает сочувствие к одной из его жертв. Не случайно поэма «Безумная» названа Козловым «русской повестью» и т. д.

Козлов часто прибегает к образам и выражениям, широко распространенным в поэзии гражданского романтизма («Пыл страстей», «мой жар мятежный», «узник в мрачной тишине», мечтающий «о солнце ярком, о луне, о том, что видел в дни свободы»). Он называет себя певцом «мятежной тоски». Но все это не более, как довольно бедная и по существу чуждая поэтическим склонностям Козлова дань времени. Все эти поэтические формулы получили широкое распространение в поэзии



Последняя страница списка поэмы „Чернец"
с подписью автора

гражданского романтизма, истолковавшей страсть, силу чувства как мятежное, протестующее начало в человеке. Это были образы и мотивы большого общественного звучания, отвечавшие настроениям передовой декабристской молодежи.

Однако большие общественные темы как таковые никогда не волновали Козлова. «Козлова нельзя отнести к числу художников, — писал Белинский, — он поэт в душе, и его талант был выражением его души».

Внутреннее содержание «души» Козлова, его идейный, мировоззрительный кругозор были узки и ограниченны. «Несчастье, — говорит Белинский, — дало ему и содержание, и форму, и колорит для песен, почему все его произведения однообразны, все на один тон. Таинство страдания, покорность воле провидения, надежда на лучшую жизнь за гробом, вера в любовь, тихое уныние, кроткая грусть — вот обычное содержание и колорит его вдохновения».

Поэтическая деятельность Козлова по самому его художественному темпераменту была далека от задач общественного служения.

Поэтическое творчество было для него делом глубоко личным, интимным, приносившим ему нравственное утешение и удовлетворение. Как говорил Жуковский, «жизнь его, физически разрушенная, при беспрестанном, часто мучительном чувстве болезни,

была разделена между религией и поэзией, которые целебным своим вдохновением заговаривали в нем и душевные скорби и телесные муки».

Тем самым «мятежная тоска» Козлова ни в какой мере не была связана с каким бы то ни было элементом общественного, гражданского протеста. Это была тоска, на деле далеко не мятежная, а, наоборот, умиротворенная чувством религиозного смирения, тоска об отнятых болезнью радостях жизни.

Идейная ограниченность оригинального творчества Козлова предопределила характер и направление его переводческой деятельности. Козлов переводил много, но, как правило, только то, что по темам и настроениям было близко его собственному оригинальному творчеству. Из французской и итальянской поэзии его привлекала элегическая лирика Шатобриана, Мильвуаз, А. Шенье, глубокий лиризм сонетов Петрарки и некоторые, опять же наиболее лирические места из поэм Ариосто и Данте.

Помещенные в собраниях сочинений Козлова эти переводы воспринимаются в едином потоке оригинального творчества поэта и не только не противоречат его лирическому субъекту — умиленному и кроткому страдальцу, но как бы вполне органически примыкают к нему.

То же следует сказать и о переводах Козлова из английских поэтов Вордсворта, Саути, Т. Мура, Бернса и прежде всего Байрона.[1]

Козлов называл Байрона «поэтом своего сердца». Но воспринял он его крайне односторонне. Мятежные, освободительные мотивы творчества английского поэта были для Козлова не только чужды, но и принципиально неприемлемы.

Еще в самом начале своего творческого пути, работая над переводом «Абидосской невесты», Козлов под 31 января 1819 года записал в своем дневнике: «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, — я в восхищении от него... Но он уж чересчур мизантроп...»

Развивая в своих переводах из Байрона в вольных подражаниях ему байронические мотивы и образы душевных мук и скорби, Козлов вытравливал из них элементы общественного протеста, следуя в этом отношении не по пути Пушкина и поэтов-декабристов, а

---

[1] Подробнее об этом см. в статье Ц. Вольпе в кн. „Козлов и Подолинский. Стихотворения", Малая серия „Библиотеки поэта", изд. „Советский Писатель", 1936, стр. 32—36.

по пути Жуковского. Характерны в этом смысле слова Жуковского в письме к Козлову: «Многие страницы Байрона вечны, но в нем есть что-то стесняющее душу, он не принадлежит к поэтам утешителям жизни» (Письмо от 27 января 1833 г.).

В соответствии с этим и поэма «Чернец» была лишена какого-либо элемента общественного, гражданского протеста. Душевные страдания и скорбь Чернеца — это не более как результат его вполне личной, несчастливо сложившейся судьбы. И «мятеж» его истерзанного сердца — это не более, чем бессильная жалоба человека, обездоленного судьбой.

Козлов принимал мир и жизнь, какими они есть, и сетовал только на то, что его личное несчастье лишило его возможности пользоваться всеми естественными радостями жизни, обобщая свою судьбу до признания обреченности на страдания человека вообще.

По своему идейному уровню поэзия Козлова не превышала уровень среднего дворянского обывателя эпохи николаевской реакции, обывателя, напуганного трагическими событиями 1825 года и предпочитавшего не думать ни о причине, ни о следствиях этих событий.

Расплывчатый гуманизм, кроткое терпеливое смирение, иногда прорывающаяся горькая жалоба на судьбу, тут же умиротворяемая религиозным или эстетическим

экстазом, — таково отношение Козлова к окружающей его действительности.

Стать выше мрачного времени николаевской реакции, пойти путем Пушкина и Белинского, путем Лермонтова и Герцена Козлов не смог. Передовое движение 1830-х годов прошло мимо него, и он остался продолжателем дела Жуковского в ту пору, когда Пушкин уже строил русский реализм и Белинский открывал новые горизонты русскому искусству. Но то ценное, что было в романтическом стремлении к идеалу, в высоком культе человека, то ценное, что несла в себе простая, задушевная и ясная мелодичность, — все это было свойственно поэзии Козлова и это обеспечило ей и успех у современников, и память в потомстве.

Е. Купреянова.

ЧЕРНЕЦ

КИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

Прекрасный друг минувших светлых дней,
Надежный друг дней мрачных и тяжелых,
Вина всех дум, и грустных, и веселых,
Моя жена и мать моих детей!
Вот песнь моя, которой звук унылой,
Бывало, в час бессонницы ночной,
Какою-то невидимою силой
Меня пленял и дух тревожил мой!
О, сколько раз я плакал над струнами,
Когда я пел страданье Чернеца.
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пыл страстей, волнующих сердца!
Моя душа сжилась с его душою:
Я с ним бродил во тьме чужих лесов;
С его родных Днепровских берегов
Мне веяло знакомою тоскою.
Быть может, мне так сладко не мечтать;
Быть может, мне так стройно не певать! —
Как мой Чернец, все страсти молодые
В груди моей давно я схоронил;
И я, как он, все радости земные
Небесною надеждой заменил.
Не зреть мне дня с зарями золотыми,

Ни роз весны, ни сердцу милых лиц!
И в цвете лет уж я между живыми
Тень хладная бесчувственных гробниц.
Но я стремлю, встревожен тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечных дум моих
На двух детей, взлелеянных тобою,
И на тебя, почти милей мне их.
Я в вас живу, — и сладко мне мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Так в темну ночь цветок, краса полей,
Свой запах льет, незримый для очей.

Санктпетербург,
17 сентября 1824 г.

I

За Киевом, где Днепр широкой,
В крутых брегах кипит, шумит,
У рощи на горе высокой
Обитель иноков стоит;
Вокруг нее стена с зубцами,
Четыре башни по углам,
И посредине божий храм
С позолоченными главами;
Ряд келий, темный переход,
Часовня у святых ворот
С чудотворящею иконой,
И подле ключ воды студеной
Журчит целительной струей
Под тенью липы вековой.

II

Вечерний мрак в туманном поле;
Заря уж гаснет в небесах;
Не слышно песен на лугах;
В долинах стад не видно боле;
Ни рог в лесу не затрубит,
Никто не пройдет, — лишь порою
Чуть колокольчик прозвенит
Вдали дорогой столбовою;
И на Днепре у рыбаков
Уж нет на лодках огоньков;
Взошел и месяц полуночный,
И звезды яркие горят;
Поляны, рощи, воды спят;
Пробил на башне час урочный;
Обитель в сон погружена;
Повсюду мир и тишина.
В далекой келье луч лампадный
Едва блестит; и в келье той
Кончает век свой безотрадный
Чернец, страдалец молодой.
Утраты, страсти и печали
Свой знак ужасный начертали
На пасмурном его челе;
Гроза в сердечной глубине,
Судьба его покрыта тьмою:
Откуда он, и кто такой? —
Не знают. Но, в вражде с собой,
Он мучим тайной роковою.
Раз ночью, в бурю он пришел;
С тех пор в обители остался,

Жизнь иноков печально вел,
Дичился всех, от всех скрывался;
Его вид чудный всех страшил,
Чернец ни с кем не говорил:
Но в глубине души унылой
Ужасное заметно было.
В торжественный молитвы час
И он певал хвалебный глас...
Но часто вопли тяжкой муки
Святые прерывали звуки!
Бывало, он, во тьме ночей,
Покоя в келье не находит,
И в длинной мантии своей
Между могил, как призрак, бродит; —
Теперь недвижим, ждет конца:
Недуг терзает Чернеца.

III

Пред ним, со взором умиленья,
Держал игумен крест спасенья, —
И тяжко страждущий вздыхал:
Он пламенел, он трепетал,
Он дважды тихо приподнялся,
Он дважды речь начать старался;
Казалось, некий грозный сон
Воспоминать страшился он,
И робко, дико озирался.
Чернец, Чернец, ужели ты
Всё помнишь прежние мечты...
Но превозмог он страх могилы,
Зажглися гаснущие силы;

Он старца за руку схватил,
И так страдалец говорил:

IV

«Отец! меж вас пришлец угрюмый,
Быть может, я моей тоской
Смущал спасительные думы
И мир обители святой.
Вот тайна: дней моих весною
Уж я все горе жизни знал;
Я взрос бездомным сиротою,
Родимой ласки не видал;
Веселья детства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь, и чистый, и прекрасный,
В груди младой пылал напрасно:
Мне было некого любить!
Увы! я должен был таить,
Страшась холодного презренья
От неприветливых людей,
И сердца пылкого волненья,
И первый жар души моей;
Уныло расцветала младость,
Смотрел я с дикостью на свет,
Не знал я, что такое радость;
От самых отроческих лет
Ни с кем любви не разделяя,
Жил нелюдимо в тишине, —
И жизнь суровая, простая

Отрадною казалась мне.
Любил я по лесам скитаться,
День целый за зверьми гоняться,
Широкий Днепр переплывать,
Любил опасностью играть,
Над жизнью дерзостно смеяться, —
Мне было нечего терять,
Мне было нé с кем расставаться.

V

Но вскоре с невских берегов
Покрытый воин сединами
Приехал век дожить меж нами,
Под тенью отческих дубров.
Он жил в селе своем с женою,
И с ними дочь в семнадцать лет...
О старец! гроб передо мною...
Во взорах тмится божий свет...
Ее давно уж в мире нет...
Но ею все живу одною...
Она одна в моих мечтах,
И на земле, и в небесах...
Отец святой, теперь напрасно
О ней тебе подробно знать;
Я не хочу ее назвать...
Молися только о несчастной;
Случайно нас судьба свела!
Ее красы меня пленили!
Она мне сердце отдала, —
И мать с отцом нас обручили.
Уже налой с венцами ждал!

Всё горе прежнее в забвеньи, —
И я в сердечном упоеньи,
Дивясь, творца благословлял.
Давно ль, печалью увядая,
Была мне в тягость жизнь младая?
Давно ли дух томился мой,
Убитый хладною тоской?
И вдруг дано мне небесами
И жить, и чувствовать вполне,
И плакать сладкими слезами,
И видеть радость не во сне:
С какой невинностью святою
Она пылающей душою
Лила блаженство на меня;
И кто из смертных под луною
Так мог любить ее, как я?
Сбылося в ней мое мечтанье,
Весь тайный мир души моей, —
И я, любви ее созданье,
И я воскрес любовью к ней!

VI

Но снова рок ожесточился;
Я снова обречен бедам.
Какой-то вдруг, на гибель нам,
Далекий родственник явился;
Он польских войск хорунжий был;
Злодей, он чести изменил!
Он прежде сам коварно льстился
С ней в брак насильственно вступить.
Хотел ограбить, притеснить, —

И пре́зрен был, и только мщенья
Искал с улыбкой примиренья.
О мой отец! сердечный жар,
Благих небес высокий дар,
Нет, не горит огонь священной
В душе, пороком омраченной.
Не видно звезд в туманной мгле:
Любовь — святое на земле.
Ему ль любить!.. Но, ах, судьбою
Нам с нашей матерью родною
Была разлука суждена!
Она внезапно сражена
Недугом тяжким... мы рыдали,
Мы одр с молитвой окружали;
Настал неизбежимый час:
Родная скрылася от нас.
Еще теперь перед очами,
Как в страшную разлуки ночь
Теплейшей веры со слезами
Свою рыдающую дочь
Земная мать благословляла,
И, взяв дрожащею рукой
Пречистой девы лик святой,
Ее небесной поручала.
С кончиной матери, смелей
Стал мстить неистовый злодей;
Он клеветал; уловкой злою
Он слабой овладел душою, —
И старец слову изменил:
Желанный брак разрушен был.
Обманут низкой клеветою,
Он мнил, безжалостный отец,

Что узы пламенных сердец
Мог разорвать; и дочь младая,
Его колена обнимая,
Вотще лила потоки слез;
Но я ни гнева, ни угроз,
Ни мщенья их не убоялся,
Презрел злодея, дочь увез
И с нею тайно обвенчался.

VII

Быть может, ты, отец святой,
Меня за дерзость обвиняешь;
Но, старец праведный, не знаешь,
Не знал ты страсти роковой.
Ты видишь сердца трепетанья,
И смертный хлад, и жар дыханья,
И бледный лик, и мутный взор,
Мое безумье, мой позор,
И грех, и кровь, — вот пламень
страстный!
Моей любви вот след ужасный!
Но будь мой рок еще страшней:
Она была... была моей!
О, как мы с нею жизнь делили!
Как, утесненные судьбой,
Найдя в себе весь мир земной,
Друг друга пламенно любили!
Живою нежностью мила,
В тоске задумчивой милее,
На радость мне она цвела;
При ней душа была светлее.

Промчался год прелестным сном,
Уж мнил я скоро быть отцом;
Мы сладко в будущем мечтали
И оба вместе уповали:
Родитель гневный нам простит.
Но злоба алчная не спит:
В опасный час к нам весть несется,
Что вся надежда отнята,
Что дочь отцом уж проклята...
Обман ужасный удается —
Злодей несчастную убил:
Я мать с младенцем схоронил.
И я... творец!.. над той могилой,
Где лег мой сын с подругой милой,
Стоял, — и жив!..
Отец святой!
Ка́к было что́ потом со мною,
Не знаю: вдруг какой-то тьмою
Был омрачен рассудок мой;
Лишь помню, что, большой дорогой,
И день и ночь скитаясь, я
Упал; когда ж вошел в себя,
Лежал уж в хижине убогой,
Без чувства бед моих, без сил;
Я жизнь страданьем пережил,
И в сердце замерло волненье;
Не скорбь, но страх и удивленье
Являло томное лицо;
В душе все прежнее уснуло;
Но невзначай в глаза мелькнуло
Мое венчальное кольцо...
. . . . . .

VIII

Я бросил край наш опустелой;
Один, в отчаяньи, в слезах,
Блуждал, с душой осиротелой,
В далеких дебрях и лесах.
Мой стон, мой вопль, мои укоры,
Ущелья мрачные и горы
Внимали с ужасом семь лет.
Угрюмый, скорбный, одичалой,
Терзался я мечтой бывалой;
Рыдал о том, чего уж нет.
Ночная тень, поток нагорной,
И бури свист, и ветров вой
Сливались втайне с думой черной,
С неутолимою тоской;
И горе было наслажденьем,
Святым остатком прежних дней;
Казалось мне, моим мученьем
Я не совсем расстался с ней.

IX

Где сердце любит, где страдает,
И милосердный бог наш там:
Он крест дает, и он же нам
В кресте надежду посылает.
Чрез семь тяжелых, грозных лет
Блеснул и мне отрадный свет.
Однажды я, ночной порою,
Сидел уныло над рекою;

И неба огнезвездный свод,
И тихое луны мерцанье,
И говор листьев, и плесканье
Луной осеребренных вод —
Невольно душу всё пленяло,
Всё в мир блаженства увлекало
Своей таинственной красой.
Проснулся дух мой сокрушенной:
«Творец всего! младенец мой
С моей подругой незабвенной
Живут в стране твоей святой;
И, может быть, я буду с ними,
И там они навек моими! . .»
Любви понятны чудеса:
С каким-то тайным ожиданьем
Дрожало сердце упованьем:
Я поднял взор на небеса,
Дерзал их вопрошать слезами. . .
И, мнилось мне, в ответ был дан
Сей безмятежный океан
С его нетленными звездами.
С тех пор я в бедствии самом
Нашел, отец мой, утешенье,
И тяжким уповал крестом
С ней выстрадать соединенье.
Еще, бывало, слезы лью,
Но их надежда услаждала,
И горесть тихая сменяла
Печаль суровую мою.
Забыл я, верой пламенея,
Мое несчастье и злодея:

Она с младенцем в небесах
Мечталась сердцу в райских снах.
Я к ней душою возносился,
И мысль одним была полна:
Желал быть чистым, как она,
И с жизнью радостно простился;
Но умереть хотелось мне
В моей родимой стороне.
Я стал скучать в горах чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотел последний бросить взгляд,
Увидеть край, весь ею полный,
И сельский домик наш, и сад,
И синие днепровски волны,
И церковь на холме, где спит
В тени берез их пепел милой,
И как над тихою могилой
Заря вечерняя горит.

X

Ах, что сбылось с моей душою,
Когда в святой красе своей
Вдруг вид открылся предо мною
Родимых киевских полей!
Они, как прежде, зеленели,
Волнами так же Днепр шумел,
Всё тот же лес вдали темнел,
На жнивах те же песни пели,
И так же всё в стране родной,
А нет лишь там ее одной!

Везде знакомые долины,
Ручьи, пригорки и равнины,
В прелестной, милой тишине,
Со всех сторон являлись мне
С моими светлыми годами;

Но с отравленною душой,
На родине пришлец чужой,
Я их приветствовал слезами
И безотрадною тоской.
Я шел; день к вечеру склонялся;
И скоро сельский божий храм
Предстал испуганным очам;
И вне себя я приближался
К могиле той, где сын, жена...
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступал, как бы страшился
Прервать их непробудный сон;
В груди стеснял мой тяжкий стон,
Чтоб их покой не возмутился;
Страстям встревоженным своим
Не смел вдаваться дух унылой;
Казалось мне, над их могилой
Дышал я воздухом святым.
Творилось дивное со мною,
И я с надеждой неземною
Колена тихо преклонил,
Молился, плакал и любил...
Вдруг слышу шорох за кустами;
Гляжу, что ж взор встречает мой?
Жнеца с подругой молодой,
И воз, накладенный снопами;

И вижу я, между снопов,
Сидит в венке из васильков
Младенец с алыми щеками.
Невольно я затрепетал:
«Я всё имел, всё потерял,
Нам не дали жить друг для друга.
В сырой земле моя подруга,
И не в цветах младенец мой;
Его червь точит гробовой».
В слезах тогда к ним на могилу
Без памяти бросаюсь я;
Горело сердце у меня;
Тоска души убила силу.
Целуя дерн, я разрывал
Руками жадными моими
Ту землю, где я лег бы с ними;
В безумстве диком я роптал;
Мне что-то страшное мечталось;
Едва дышал я, в мутной тьме
Сливалось всё, как в тяжком сне;
Уж чувство жизни пресекалось,
И я лежал между гробов
Мертвей холодных мертвецов.
Но свежий воздух, влажность ночи
Страдальца вновь животворят;
Вздохнула грудь, открылись очи,
Кругом бродил мой томный взгляд:
Всё было тихо, скрыто мглою,
В тумане месяц чуть светил,
И лишь могильною травою
Полночный ветер шевелил.

XI

Я встал и скорыми шагами
Пошел с потупленной главой
Через поляну, за кустами
Вилась дорога под горой;
Почти без памяти, без цели
Я шел, куда глаза глядели;
Из-за кустов навстречу мне
Несется кто-то на коне.
Не знаю сам, какой судьбою,
Но вдруг... я вижу пред собою,
При блеске трепетном луны,
Убийцу сына и жены.
Отец, то встреча роковая!
Я шел, весь мир позабывая;
Не думал я его искать,
Я не хотел ему отмщать;
Но он, виновник разлученья,
Он там, где милые в гробах,
Когда еще в моих очах
Дрожали слезы исступленья...
То знает совесть, видит бог;
Хотел простить, простить не мог.
Я изменил святой надежде,
Я вспомнил всё, что было прежде,
И за узду схватил коня:
«Злодей, узнал ли ты меня?»
Он робко смотрит, он дивится,
Он саблю обнажить стремится;
Увы! со мною был кинжал...
И он в крови с коня упал.

Тогда еще не рассветало;
Я вне себя иду назад;
И рощи и поля молчат,
Перед зарею все дремало,
Лишь несся гул издалека,
Как конь скакал без седока;
Бесчувственно я удалялся.
Всё, что сбылось, казалось мне
Как что-то страшное во сне.
Вдруг звон к заутрене раздался...
Огнями светлый храм сиял,
А небо вечными звездами,
И лунный свет осеребрял
Могилы тихие с крестами;
Призывный колокол звенел;
А я стоял, а я смотрел,
Я в светлый храм итти не смел...
«О чем теперь и как молиться?
Чего мне ждать у алтарей?
Мне ль уповать навеки с ней
В святой любви соединиться?
Как непорочность сочетать
Убийцы с буйными страстями?
Как в небе ангела обнять
Окровавленными руками?»

XII

В обитель вашу я вступил,
Искал я слез и покаянья;
Увы, я, грешный, погубил
Святые сердца упованья!

Бывало, бедствие мое
Я верой услаждал всечасно;
Теперь — до гроба жить ужасно!
За гробом — вечность без нее!
Я мнил, отец мой, между вами
Небесный гнев смягчать слезами;
Я мнил, что пост, молитва, труд
Вине прощенье обретут;
Но и в обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шум:
Проснулись прежние волненья,
И сердце полно прежних дум.
Везде, отчаяньем томимый,
Я вижу лик неотразимый;
Она в уме, она в речах,
Она в моленьи на устах;
К ней сердце пылкое стремится,
Но тень священную боится
На лоне мира возмутить.
О, верь, не обагренный кровью,
Дышал я чистою любовью,
Умел земное позабыть:
Я в небесах с ней думал жить!
Теперь, как гибельным ударом
И там я с нею разлучен,
Опять горю безумным жаром,
Тоскою дикой омрачен.
Здесь на соломе, в келье хладной,
Не пред крестом я слезы лью;
Я вяну, мучуся, люблю,
В печали сохну безотрадной;
Весь яд, всё бешенство страстей

Кипят опять в груди моей,
И, жертва буйного страданья,
Мои преступные рыданья
Тревожат таинство ночей.

XIII

Вчера — бьет полночь — страх могилы
Последние разрушил силы,
И пред иконою святой
С непостижимою тоской
Я изливал мои страданья;
Я милосердого молил,
Чтоб грех кровавый мне простил,
Чтоб принял слезы покаянья.
Вдруг что-то, свыше осеня,
Как будто душу озарило
И тайной святостью страшило,
Отец мой, грешного меня.
Лампада луч дрожащий, бледной
Бросала томно в келье бедной.
Покрыта белой пеленой,
Она предстала предо мной,
И черные горели очи
Ярчее звезд осенней ночи.
О, нет, то был не призрак сна
И не обман воображенья!
Святой отец, к чему сомненья!
С нее слетела пелена,
И то была, поверь. . . она!
Она, прелестная, младая!
Ее улыбка неземная!

И кудри темные с чела
На грудь лилейную бежали,
И, мнилось мне, ее уста
Былое, милое шептали;
Всё та ж любовь в ее очах,
И наш младенец на руках.
«Она!.. прощен я небесами!»
И слезы хлынули ручьями.
Я вне себя бросаюсь к ней,
Схватил, прижал к груди моей...
Но сердце у нее не бьется,
Молчит пленительная тень;
Неумолимая несется
Опять в таинственную сень:
И руки жадные дрожали,
И только воздух обнимали;
Мечтой обмануты, они
К груди прижалися одни.
«Ужель отринуты моленья?
Ужель ты вестник отверженья?
Или, в ужасный, смертный час,
Моя всё верная подруга,
Хотела ты в последний раз
Взглянуть на гибнущего друга?..»
И с ложа на колена пал
Чернец, и замер голос муки;
Взор оживился, засверкал;
К чему-то вдруг простер он руки,
Как исступленный закричал:
«Ты здесь опять!.. конец разлуки!
Зовешь!.. моя!.. всегда!.. везде!..
О, как светла!.. к нему!.. к тебе!..»

XIV

Два дня, две ночи он томился,
И горько плакал, и молился;
На третью ночь отец святой
Обитель мирную сзывает;
Последний час уже летает
Над юной, грешною главой.
И в келью брата со свечами
Собором иноки вошли,
И белый саван принесли...
И гроб дощатый за дверями.
Печален был их томный глас,
За упокой души молящих;
Печален вид их черных ряс
При тусклом блеске свеч горящих.
Прочитана святым отцом
Отходная над чернецом.
Когда ж минута роковая
Пресекла горестный удел,
Он, тленный прах благословляя,
Ударить в колокол велел...
И звон трикратно раздается
Над полуночною волной,
И об усопшем весть несется
Далеко зыбкою рекой.
В пещеру вещий звон домчался,
Где схимник праведный спасался:
«Покойник!» — старец прошептал,
Открыл налой и четки взял;
У рыбаков сон безмятежной
Им прерван в хижине прибрежной.

Грудной младенец стал кричать;
Его крестит спросонья мать,
Творить молитву начинает
И тихо колыбель качает,
И перед тлеющим огнем
Опять уснула крепким сном.
И через поле той порою
Шел путник с милою женою;
Они свой ужас в темну ночь
Веселой песнью гнали прочь:
Они, лишь звоны раздалися, —
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустней рука с рукой...
И звук утих во тьме ночной.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К ДРУГУ В. А. ЖУКОВСКОМУ

По возвращении его из путешествия

Опять ты здесь! опять судьбою
Дано мне вместе быть с тобою!
И взор, хотя потухший, мой
Уж взоров друга не встречает;
Но сердцу внятный голос твой
Глубоко в душу проникает.
О, долго в дальней стороне
Ты зажился, наш путник милый!
И сей разлуки год унылый,
Мой друг, был черным годом мне!
Но я любить не разучился,
Друзей моих не забывал,
От них нигде не отставал
И часто мысленно носился
С тобою выше облаков,
В стране, где посреди снегов
Весна роскошно зеленеет,
Где виноград душистый рдеет,
Дубравы мирные шумят,
Луга красуются цветами
И вековые льды горят
Небесной радуги огнями.
И часто, часто я с тобой

Альпийских ветров слушал вой,
И мрачных сосн суровый ропот,
И тайный их полночный шопот;
Смотрел, как с гор поток там бьет
И грохот в рощах раздается;
Здесь, рухнув, лавина падет,
Чрез села страшный путь берет
И лавой снежною несется.
Но вид угрюмой красоты
От сердца гонит прочь мечты —
И нас в священный трепет вводит.
Бывало, чаще в мысль приходит,
Когда уж месяц над рекой,
Что друг вечернею порой
В раздумьи по долинам бродит,
Плывет по тихим озерам
И, к синим их склонен струям,
В часы сердечного мечтанья,
Чужим передает волнам
Родимых волн воспоминанья
И дальних милых тех полей,
Где он в беспечности своей
Жизнь встретил, счастью доверяясь,
Когда надежда, улыбаясь,
Тропинкой призраков вела:
Там он лелеял грусть и радость,
И в вдохновеньях там цвела
Его задумчивая младость.
И кто ж весну свою забыл?
Кто не живет воспоминаньем?
И я его очарованьем
Бываю менее уныл,

Улыбку иногда встречаю
И, весь в минувшем, забываю,
Как в непреклонности своей
Судьба карать меня умеет, —
И память прежних светлых дней
Тоской отрадною мне веет:
И я, мой друг, и я мечтал!
Я видел сон любви и счастья,
И свято сердцем уповал,
Что нет под небом им ненастья;
С зарей, ты знаешь, юных дней,
Пленен любимою мечтою,
Стремился я за ней одною,
И без нее мне белый свет
Казался степью лишь пустою;
С душой, наполненной огнем,
Я волн и бурь не устрашился, —
И в легком челноке моем
Отважно по морю пустился.
Меня манил надежды луч,
И, как гроза ни бунтовала,
Мне из-за гневных черных туч
Звезда приветная сияла:
Что сердцу снилось, всё сбылось!
Ах, для чего же молодое,
Мое ты счастье золотое,
Так быстро, быстро пронеслось!
Иль видно, друг, сказать с тобою:
Не у меня ему гостить!
Так мы слыхали, что порою
Случайно птичка залетит
От южных островов прекрасных

В страну дней мрачных и ненастных,
Где дикий дол и темный лес
Не зрели голубых небес,
И там эфирною красою,
И пенья нежностью простою
Угрюмый бор развеселит,
Минутной негой подарит!..
Но край, где буря обитает,
Ей не родная сторона:
И, лишь залетная, она
Мелькнет, прельстит и улетает.

Пять раз зеленые поля
Весна цветами обновляла,
С тех пор, как, друг, она меня
В тенистых рощах не видала.
Пять целых лет, в борьбе страстей,
В страданьях, горем я томился,
Окован злой судьбой моей,
Во цвете лет уж я лишился
Всего, что в мире нас манит,
Всего, что радость нам сулит.
Могу ли усыпать цветами
Жизнь той, кем жизнь моя цвела,
Которая в груди зажгла
Пыл страстный райскими мечтами, —
И в даль туманную со мной
Шла радостно рука с рукой!..
Мой друг, простясь с очарованьем
Душою быть семьи своей,
Щитом, отрадой, упованьем
Подруги милой и детей,

Уже дружился я с тоскою,
Забыл себя, стал ими жить,
Умел их окружить собою,
В одно мои все чувства слить,
Любовью счастье заменить...
Но что ж!.. и божий свет скрываться
Вдруг начал от моих очей!
И я... я должен был расстаться
С последней радостью моей.
Напрасно для меня, напрасно
И солнце мир животворит,
И негой дышит месяц ясной.
И зыбь потоков серебрит!
Не буду зреть полей зеленых,
Лазури светлой чистых вод,
Ни дня торжественных красот,
Ни звезд, во тьме ночной зажженных.
Но, друг, тогда, как надо мной
Рок свирепел и вечной мглой,
И безотрадными годами
Мою он душу ужаснул,
Я, день и ночь встречав слезами,
На поле, рощи не взглянул,
Забыл проститься с небесами:
Ах, на жену и на детей
Хотело сердце насмотреться!..
Хотел я, чтоб в душе моей
Уже вовек не мог стереться
Очам незримый образ их!..
«О! — думал я, — в бедах твоих
Одно лишь счастье оставалось,
Чтоб тех, кто сердцу милы, зреть,

И сердце ими любовалось
И мог ты радости иметь.
Смотри на них! уж наступает
Тот грозный мрак, в котором ты
Не узришь их!.. Детей черты,
Ты знаешь, время изменяет,
С годами новый вид дает;
Страшись же: вид сей изменится,
И будет образ их не тот,
Который в сердце сохранится!»
И я с отчаянной тоской
На них стремил взор тусклый мой,
На миг покинуть их боялся,
К моей груди их прижимал,
От горя думать забывал,
Смотрел на них... но уж скрывался
Мне милый вид в какой-то тьме:
Он исчезал, сливался с мглою,
И то, что есть, казалось мне
Давно минувшею мечтою.
Угас, угас луч светлый дня,
И сердце кровью обливалось:
И всё в грядущем для меня,
Как бездна гибели, являлось.
Навеки окружен я тьмой!
Любовь, жизнь, счастье, всё — за мной!
К чему же мне души волненье?
К чему мне чувства жар святой?
О радость! ты не жребий мой!
Мне нет сердечных упоений:
Я буду тлеть без услаждений!..
Так догорает одинок

Забытый в поле огонек;
Он никого не согревает,
Ничьих не радует он глаз;
Его в полночный путник час
С каким-то страхом убегает.
О друг! поверь, единый бог,
В судьбах своих непостижимый,
Лишь он, всесильный, мне помог
Стерпеть удар сей нестерпимый!
Уже я духом упадал,
Уже в отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзал,
Но, ах, и уповать страшился!
Уже в печали дикой сей
Мои все мысли затмевались:
И жизнь и смерть в судьбе моей
Равно ужасными казались.
Но вдруг... хвала тебе, творец! —
Ты не забыл свое творенье!
Ты видишь глубину сердец,
Ты слышишь тайное моленье.
Хвала тебе, мой страх исчез!
Как ангел мирный, благодатный,
Как вестник милости небес,
Неэримый, тайный, но понятный,
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадный глас ловила, —
И вера, огненной струей,
Страдальцу сердце оживила.
Мне мниться стало, что и я
Еще дышать любовью смею,
Что тяжкой участью моею

Он — мой отец, не судия —
Дает мне способ с умиленьем
Его о детях умолять,
И им купить моим терпеньем
Его святую благодать!
И с ней, надеждою бесценной,
Мне сила крест нести дана;
И с ней в душе моей смятенной
Опять родилась тишина.

Но как навек всего лишиться?
Как мир прелестный позабыть?
Как не желать, как не тужить?
Живому с жизнью как проститься?..
Тогда в священной красоте
Внезапно дружба мне предстала:
Она так радостно сияла!
В ее нашел я чистоте
Утеху, нежность, сожаленье,
И ею жизнь озарена.
Ты правду нам сказал: она
Второе наше провиденье!
Светлана добрая твоя
Мою судьбу переменила,
Как ангел божий низлетя,
Обитель горя посетила, —
И безутешного меня
Отрадой первой подарила.
Случилось ли когда, что вдруг,
Невольной угнетен тоскою,
Я слезы лил, — тогда, мой друг,
Светлана плакала со мною;

В надеждах веры устремлять
Все чувства на детей искала,
И чем мне сердце услаждать,
Своим то сердцем отгадала;
И вслед за ней явились мне
Те добродетели святые,
Всегда, везде ко всем благие,
И лишь могущие одне
Печаль и горести земные
В блаженный превращать удел.
А там с улыбкой прилетел
И новый ангел-утешитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный друг тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нежных увещаний
Она мне сладость в душу льет,
Ласкает, радует, поет, —
И рой моих воспоминаний,
С цветами жизни молодой,
Как в блеске радужных сияний,
Летает снова надо мной.

Еще, мой друг, два утешенья
Остались мне: то легких снов
И призраков ночных явленья,
И вас, возвышенных певцов,
Божественные песнопенья.
Так, снов пленительный обман
В замену истины мне дан;
Он жизни памятью остался;
О том, с чем я навек расстался,

Правдивую дает мне весть;
Опять мне кажет мир приветный,
Разнообразный, разноцветный,
Почти таким, каков он есть;
Он мне любимое являет
Мечтой отрадною своей,
И завесу с моих очей
Волшебной силою снимает.
Ах! удается часто мне
Смотреть на божий свет во сне,
Пленять мой жадный взор лесами,
Рекою, нивами, полями,
И всей знакомой красотой
Тех мест, где прежнею порой
Я часто ею любовался!
Как ты, мой друг, я не скитался
В чужих далеких сторонах:
Всё родина в моих мечтах.
Однажды как-то я забылся
Обманчивым, но сладким сном:
И вдруг далеко очутился
Один на берегу крутом,
Там, у родной Москвы.[1] День знойный,
Мне снилось, ярко догорал,
И вечер пламенно спокойный
Во всей красе своей блистал;
Внизу Москва-река сверкала,
Игриво рощу обтекала;

---

[1] Здесь описывается Васильевское, загородный дом князя Юсупова, близ Воробьевых гор.

В дали гористой под селом
Был виден лес, желтели нивы,
А близ Дербента,[1] над прудом
Тенистые дремали ивы,
И зеленело за рекой
Девичье поле пред глазами,
И монастырь белел святой
С горящими, как жар, крестами;
От стен к приманчивым струям
Долинка ясная пестрела;
Тут домик сельский; в липах там
Часовня спрятаться хотела;
На всех соседственных холмах
Сады и дачи красовались,
И в ярких вечера огнях
Струей багряной освещались,
И зелень рощей и полян
Сливалась с твердью голубою,
И стлался золотой туман
Над белокаменной Москвою.
Не знаю, друг, но вряд ли где
Подобный вид тебе являлся!
Опять однажды, всё во сне,
Я ночью по Неве катался,
Между роскошных островов
Летел прозрачною рекою:
И вид красивых берегов,
Дач, рощей, просек и садов,
Осеребряемых луною,

---

[1] Сад графини Пушкиной.

И озаренный божий храм,
И царский дом, и мост чрез волны,
Легко так брошенный, всё там
Пленяет взор. Но вздох невольный
От сердца тяжко вылетал.
Ты часто, милый край, видал
Меня близ вод твоих струистых
На изумрудных берегах
И в цветниках твоих душистых,
И в темных рощах, и в садах:
До поздней ночи там с тоскою
Сижу, бывало, над Невою;
И часто ранняя заря
Меня в раздумьи заставала.
Но, ах, уж радость для меня
Давно с зарей не расцветала!
Еще ж случается, что я
Сны боле по сердцу видаю:
Я вижу вас, мои друзья,
Мою жену, детей ласкаю.
О, для чего ж в столь сладком сне
Нельзя мне вечно позабыться!
И для чего же должно мне
Опять на горе пробудиться!

Когда же я в себе самóм,
Как в бездне мрачной, погружаюсь, —
Каким волшебным я щитом
От черных дум обороняюсь!
Я слышу дивный арфы звон,
Любимцев муз внимаю пенье,
Огнем небесным оживлен:

Мне льется в душу вдохновенье,
И сердце бьется, дух кипит,
И новый мир мне предстоит;
Я в нем живу, я в нем мечтаю,
Почти блаженство в нем встречаю:
Уж без страданья роковой
Досуг в занятьях протекает;
Беседа мудрых укрепляет
Колеблемый рассудок мой;
Дивит в писателях великих
Рассказ деяний знаменитых;
Иль нежной звучностью своей
Лелеют арфы золотые
Мятежный жар души моей
И сердца тайны дорогие.
О, счастлив тот, кто обнимать
Душ возвышённых чувства, мненья
Стремится с тем, чтоб поверять
Свои сердечные движенья!
Мы с ними чувствуем живей,
Добрее, пламенней бываем:
Так Русь святая нам святей,
Когда Карамзина читаем;
Так пыл встревоженных страстей
Твой гений услаждать умеет,
И нам любовь небесным веет
Когда над Ниною твоей
Невольно слезы наши льются —
И весело часы несутся!
О друг, поэзия для всех
Источник силы, ободренья,
Животворительных утех

И сладкого самозабвенья!
Но для меня лишь в ней одной
Цветет прекрасная природа!
В ней мир разнообразный мой!
В ней и веселье и свобода!
Она лишь может разгонять
Души угрюмое ненастье,
И сердцу сладко напевать
Его утраченное счастье.

Теперь ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося!
О, верь, отрадно в грудь твою
Мое всё сердце излилося!
Несносный страх душой остыть
Всего ужасней мне казался, —
И я стал пламенней любить,
Чем боле чувствами стеснялся.
Изведал я, что убивать
Не могут грозные страданья,
Пока мы будем сохранять
Любви чистейшей упованья.
И здесь ли, друг, всему конец?
Взгляни... над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их творец!

1822

ПЛЕННЫЙ ГРЕК В ТЕМНИЦЕ

Родина святая,
Край прелестный мой!
Всё тобой мечтая,
Рвусь к тебе душой.
Но, увы, в неволе
Держат здесь меня,
И на ратном поле
Не сражаюсь я!

День и ночь терзался
Я судьбой твоей,
В сердце отдавался
Звук твоих цепей.
Можно ль однородным
Братьев позабыть?
Ах, иль быть свободным,
Иль совсем не быть!

И с друзьями смело
Гибельной грозой
За святое дело
Мы помчались в бой,
Но, увы, в неволе
Держат здесь меня,

И на ратном поле
Не сражаюсь я!

И в плену не знаю,
Как война горит;
Вести ожидаю —
Мимо весть летит.
Слух убийств несется,
Страшной мести след;
Кровь родная льется, —
А меня там нет!

Ах, средь бури зреет
Плод, свобода, твой!
День твой ясный рдеет
Пламенной зарей!
Узник неизвестный,
Пусть страдаю я, —
Лишь бы, край прелестный,
Вольным знать тебя!

1822

ПРОСТИ

Элегия лорда Байрона
(Перевод с английского)

Была пора — они любили,
Но их злодеи разлучили;
А верность с правдой не в сердцах
Живут теперь, но в небесах.
Навек для них погибла радость:
Терниста жизнь, без цвета младость,
И мысль, что розно жизнь пройдет,
Безумства яд им в душу льет.

Но в жизни, им осиротелой,
Уже обоим не сыскать,
Чем можно б было опустелой
Души страданья услаждать;
Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранят,
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят;
Их бездна с ревом разлучает,
И гром разит и потрясает, —
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
Следов того не истребили,
Чем некогда друг другу были.

Коллеридж. (Из поэмы Кристабель)

Прости! и если так судьбою
Нам суждено, — навек прости!
Пусть ты безжалостна — с тобою
Вражды мне сердца не снести.

Не может быть, чтоб повстречала
Ты непреклонность чувства в том,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратимо сладким сном!

Когда б ты в ней насквозь узрела
Все чувства сердца моего,
Тогда бы, верно, пожалела,
Что столько презрела его.

Пусть свет улыбкой одобряет
Теперь удар жестокий твой:
Тебя хвалой он обижает,
Чужою купленной бедой.

Пускай я, очернен виною,
Себя дал право обвинять;
Но для чего ж убит рукою,
Меня привыкшей обнимать?

И верь, о, верь! пыл страсти нежной
Лишь годы могут охлаждать;
Но вдруг не в силах гнев мятежной
От сердца сердце оторвать.

Твое — то ж чувство сохраняет;
Удел же мой — страдать, любить! —
И мысль бессмертная терзает,
Что мы не будем вместе жить.

Печальный вопль над мертвецами
С той думой страшной как сравнять?—

Мы оба живы, но вдовцами
Уже нам день с тобой встречать.

И в час, как нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетом речей,
Как об отце ей намекаешь,
Ее отец в разлуке с ней.

Когда ж твой взор малютка ловит, —
Ее целуя, вспомяни
О том, тебе кто счастья молит,
Кто рай нашел в твоей любви.

И если сходство в ней найдется
С отцом, покинутым тобой,
Твое вдруг сердце встрепенется,
И трепет сердца — будет мой.

Мои вины, быть может, знаешь, —
Мое безумство можно ль знать?
Надежды — ты же увлекаешь,
С тобой увядшие летят.

Ты потрясла моей душою;
Презревший свет, дух гордый мой
Тебе покорным был; с тобою
Расставшись, расстаюсь с душой!

Свершилось всё! слова напрасны,
И нет напрасней слов моих, —
Но в чувствах сердца мы не властны,
И нет преград стремленью их.

Прости ж, прости! Тебя лишенный, —
Всего, в чем думал счастье зреть,
Истлевший сердцем, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

1823

РОМАНС

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и млела душой.

Той рощи зеленой мне век не забыть!
Места наслажденья, как вас не любить!
Но с летом уж скоро и радость пройдет,
И душу невольно раздумье берет:
«Ах! в роще зеленой, у быстрых ключей,
Всё так ли, как прежде, поет соловей?
И алые розы осенней порой
Цветут ли всё так же над светлой струей?»

Нет: розы увяли, мутнее струя,
И в роще не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, там розы цвели,
Их часто срывали, венками плели,
Блеск нежных листочков хотя помрачен,
В росе ароматной их дух сохранен,

И воздух свежится душистой росой;
Весна миновала — а веет весной.

Так памятью можно в минувшем нам жить
И чувств упоенья в душе сохранить;
Так веет отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вóвсе же радости время возьмет:
Пусть младость увянет, но сердце цветет.
И сладко мне помнить, как пел соловей,
И розы, и рощу у быстрых ключей.

1823

ПЛОВЕЦ

В груди моей стесняя горе,
Разбитый бурею пловец,
На синее смотрю я море,
Как бы на жизнь смотрел мертвец;
Но поневоле, думы полный,
Скорбел пред страшною грозой,
Когда мой чёлн губили волны, —
Манимый яркою звездой.

Увы! не мой один волнами
Челнок надежды погублен,
И в даль неверную звездами
Не я один был увлечен.
И кто тревогой не смущался,
Желанной цели достигал,
С мечтой любимой не прощался,
Кто слез долину миновал?

Когда бы ты из волн сердитых,
О море! выкинуть могло
Всё то, что в кораблях разбитых
Высоких дум и чувств легло;
Когда б из бездны кто явился,
Погибших повесть рассказал, —

То мир бы, может, изумился,
О чем, кого и что не знал.

Как много к участи мятежной,
Быв жертвой неизбежных бед,
Тоской увяли безнадежной
И уж давно пропал их след!
О много, много перл огнистых
На дне морском погребено,
И много веяний душистых
В эфирной тьме утаено!

И сколько светлых упований,
Развеянных налетом гроз,
И сердца радостных мечтаний,
Иссохших от горючих слез!
И тайны чудного условья
Меж дум небесных и страстей —
Одно лишь знает изголовье
И мрак томительных ночей.

1823

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Фантазия

(П. А. Плетневу)

Ночь весенняя дышала
Светло южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистой
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шопот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов, и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав. —

Всё вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется; мчится младость

На любви весенний пир,
По водам скользя гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Всё спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,

И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тьме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! — свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

1824

БАЙРОН

(А. С. Пушкину)

But i have and have not lived in vain.

Среди Альбиона туманных холмов,
В долине, тиши обреченной,
В наследственном замке, под тенью дубов,
Певец возрастал вдохновенной.
И царская кровь в вдохновенном текла,[1]
И золота много судьбина дала;
Но юноша, гордый, прелестный, —
Высокого сана светлее душой,
Казну его знают вдова с сиротой,
И звон его арфы чудесный.

И в бурных порывах всех чувств молодых
Всегда вольнолюбье дышало,
И острое пламя страстей роковых
В душе горделивой пылало.
Встревожен дух юный; без горя печаль
За призраком тайным влечет его в даль —
И волны под ним зашумели!

---

[1] Лорд Байрон происходит от царей: шотландский король Иаков II был предок его по матери.

Он арфу хватает дрожащей рукой,
Он жмет ее к сердцу с угрюмой тоской:
Таинственно струны звенели.

Скитался он долго в восточных краях
И чудную славил природу;
Под радостным небом в душистых лесах
Он пел угнетенных свободу;
Страданий любви исступленной певец,
Он высказал сердцу все тайны сердец,
Все буйных страстей упоенья;
То радугой блещет, то в мраке ночном
Сзывает он тени волшебным жезлом —
И грозно-прелестны виденья.

И время задумчиво в песнях текло;
И дивные песни венчали
Лучами бессмертья младое чело, —
Но мрака с лица не согнали.
Уныло он смотрит на свет и людей;
Он бурно жизнь отжил весною своей,
Надеждам он верить страшится;
Дум тяжких, глубоких в нем видны черты;
Кипучая бездна огня и мечты —
Душа его с горем дружится.

Но розы нежнее, свежее лилей
Мальвины красы молодые,
Пленительны взоры сапфирных очей
И кудри ее золотые;
Певец, изумленный, к ней сердцем летит,
Любви непорочной звезда им горит, —

Увядшей расцвел он душою;
Но злоба шипела, дышала бедой, —
И мгла, как ужасный покров гробовой,
Простерлась над юной четою.

Так светлые воды красуясь текут
И ясность небес отражают;
Но, встретя каменья, мутятся, ревут,
И шумно свой ток разделяют.
Певец раздражился, но мстить не хотел,
На рок непреклонный с презреньем смотрел;
Но в горести дикой, надменной
И в бешенстве страсти, в безумьи любви,
Мученьем, отрадой ему на земли —
Лишь образ ея незабвенной!

И снова он мчится по грозным волнам;
Он бросил магнит путеводный,
С убитой душой по лесам, по горам
Скитаясь, как странник безродный.
Он смотрит, он внемлет, как вихри свистят,
Как молнии вьются, как громы гремят
И с гулом в горах умирают.
О вихри! о громы! скажите вы мне:
В какой же высокой, безвестной стране
Душевные бури стихают?

С полночной луною беседует он,
Минувшее горестно будит;
Желаньем взволнован, тоской угнетен,
Клянет, и прощает, и любит.
«Безумцы искали меня погубить, —

Все мысли, все чувства мои очернить;
Надежду, любовь отравили,
И ту, кто была мне небесной мечтой
И радостью сердца и жизни душой, —
Неправдой со мной разлучили.

«И дочь не играла на сердце родном!
И очи ее лишь узрели...
О, спи за морями, спи ангельским сном
В далекой твоей колыбели!
Сердитые волны меж нами ревут, —
Но стон и молитвы отца донесут...
Свершится... из ранней могилы
Мой пепел поднимет свой глас неземной,
И с вечной любовью над ней, над тобой
Промчится мой призрак унылый!»
Страдалец, утешься! — быть может, в ту ночь,
Как грозная буря шумела,
Над той колыбелью, где спит твоя дочь,
Мальвина в раздумьи сидела;
Быть может, лампады при бледных лучах,
Знакомого образа в милых чертах
Искала с тоскою мятежной, —
И, сходство заметя любимое в ней,
Мальвина, вздыхая, младенца нежней
Прижала к груди белоснежной!

Но брань за свободу, за веру, за честь
В Элладе его пламенеет,
И слава воскресла, и вспыхнула месть, —
Кровавое зарево рдеет.

Он первый на звуки свободных мечей
С казною и ратью и арфой своей
Летит довершать избавленье;
Он там, он поддержит в борьбе роковой
Великое дело великой душой —
Святое Эллады спасенье.

И меч обнажился, и арфа звучит,
Пророчица дивной свободы;
И пламень священный ярчее горит,
Дружнее разят воеводы.
О край песнопенья и доблестных дел,
Мужей несравненных заветный предел —
Эллада! Он в час твой кровавый
Сливает свой жребий с твоею судьбой!
Сияющий гений горит над тобой —
Звездой возрожденья и славы.

Он там!.. он спасает!.. и смерть над
певцом!
И в блеске увянет цвет юный!
И дел он прекрасных не будет творцом,
И смолкли чудесные струны!
И плач на Востоке... и весть пронеслась,
Что даже в последний таинственный час
Страдальцу былое мечталось:
Что будто он видит родную страну,
И сердце искало и дочь и жену, —
И в небе с земным не рассталось!

1824

К РАДОСТИ

О радость, радость, что же ты
Нам скоро изменяешь
И сердца милые мечты
Так рано отнимаешь!

Зачем, небесная, летишь
Пернатою стрелою,
И в мраке бедствия горишь
Далекою звездою!

Зачем же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь... светлых дней
Одно воспоминанье!

Минувшее с твоей мечтой
Как в душу ни теснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Дух пылкий ею увлечен,
Дни счастья вспоминая;
Тревожит сердца тяжкий сон,
Тоски не услаждая.

Так месяц светит над рекой
В струях ее играет
И блеск сребристо-золотой
Над ними рассыпает;

Река в сияньи пламя льет,
Горит его лучами —
И в море темное течет
Холодными волнами.

1824

ДОБРАЯ НОЧЬ

(Из „Чальд-Гарольда" Байрона)

«Прости, прости, мой край родной!
Уж скрылся ты в волнах;
Косатка вьется, ветр ночной
Играет в парусах.
Уж тонут огненны лучи
В бездонной синеве...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

«Проснется день; его краса
Утешит божий свет;
Увижу море, небеса, —
А родины уж нет!
Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет;
Собака верная моя
Выть станет у ворот.

«Ко мне, ко мне, мой паж младсй!
Но ты дрожишь, как лист?
Иль страшен рев волны морской?
Иль ветра буйный свист?

Не плачь: корабль мой нов; плыву
Уж я не в первый раз;
И быстрый сокол на лету
Не перегонит нас». —

— «Не буйный ветр страшит меня,
Не шум угрюмых волн:
Но не дивись, сир Чальд, что я
Тоски сердечной полн!
Прощаться грустно было мне
С родимою, с отцом;
Теперь надежда вся в тебе
И в друге... неземном.

Не скрыл отец тоски своей,
Как стал благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать». —
«Ты прав, ты прав, мой паж младой!
Как сметь винить тебя?
С твоей невинной простотой,
Ах, плакал бы и я!

«Но вот и кормщик мой сидит,
Весь полон черных дум.
Иль буйный ветр тебя страшит?
Иль моря грозный шум?» —
— «Сир Чальд, не робок я душой,
Не умереть боюсь;
Но я с детьми, но я с женой
Впервые расстаюсь!

Проснутся завтра на заре
И дети, и жена;
Малютки спросят обо мне,
И всплачется она!» —
«Ты прав, ты прав! И как пенять,
Мой добрый удалец!
Тебе нельзя не горевать:
И муж ты, и отец!

«Но я... Ах, трудно верить мне
Слезам прелестных глаз!
Любовью новою оне
Осушатся без нас.
Лишь тем одним терзаюсь я,
Не в силах то забыть,
Что нет на свете у меня,
О ком бы потужить!

«И вот на темных я волнах
Один, один с тоской!..
И кто же, кто по мне в слезах
Теперь в стране родной?
Что ж рваться мне, жалеть кого?
Я сердцем опустел,
И без надежд, и без всего,
Что помнить я хотел.

«О мой корабль! с тобой я рад
Носиться по волнам;
Лишь не плыви со мной назад
К родимым берегам!

Далеко на скалах, в степи
Приют сыщу себе;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебе!»

1824

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ

Когда пробьет печальный час
Полночной тишины,
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны:

Тогда задумчив и один,
Спешу я к роще той,
Где, милый друг, бывало, мы
Бродили в тьме ночной.

О, если в тайной доле их
Возможность есть душам
Слетать из-за далеких звезд
К тоскующим друзьям, —

К знакомой роще ты слетишь
В полночной тишине,
И дашь мне весть, что в небесах
Ты помнишь обо мне!

И, думой сердца увлечен,
Ту песню я пою,
Которой, друг, пленяла ты
Мечтательность мою.

Унылый голос ветерок
Разносит в чуткой тьме,
В поляне веет, и назад
Несет его ко мне.

А я... я верю... томный звук
От родины святой
На песнь любимую ответ
Души твоей младой.

1824

РАЗБОЙНИК

Баллада

(А. А. Воейковой)

Мила Брайнгельских тень лесов;
Мил светлый ток реки;
И в поле много здесь цветов
Прекрасным на венки.

Туманный дол сребрит луна;
Меня конь борзый мчит:
В Дальтонской башне у окна
Прекрасная сидит.

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум;
Там пышно луг весной цветет,
Там рощи полны дум.

Хочу любить я в тишине,
Не царский сан носить;
Там на реке милее мне
В лесу с Эдвином жить». —

— «Когда ты, девица-краса,
Покинув замок свой,

Готова в темные леса
Бежать одна со мной,

Ты прежде, радость, угадай,
Как мы в лесах живем;
Каков, узнай, тот дикий край,
Где мы любовь найдем!»

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум;
Там пышно лут весной цветет,
Там рощи полны дум.

Хочу любить я в тишине,
Не царский сан носить;
Там на реке милее мне
В лесу с Эдвином жить.

Я вижу борзого коня
Под смелым ездоком:
Ты царский ловчий, — у тебя
Рог звонкий за седлом». —

— «Нет, прелесть! Ловчий в рог трубит
Румяною зарей,
А мой рожок беду звучит,
И то во тьме ночной».

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум;
Там пышно лут весной цветет,
Там рощи полны дум;

Хочу в привольной тишине
Тебя, мой друг, любить;
Там на реке отрадно мне
В лесу с Эдвином жить.

Я вижу: путник молодой,
Ты с саблей и ружьем:
Быть может, ты драгун лихой
И скачешь за полком». —

— «Нет, гром литавр и трубный глас
К чему среди степей?
Украдкой мы в полночный час
Садимся на коней.

Приветен шум Брайнгельских вод
В зеленых берегах,
И мил в них месяца восход,
Душистый луг в цветах;

Но вряд прекрасной не тужить,
Когда придется ей
В глуши лесной безвестно жить
Подругою моей!

Там чудно, чудно я живу, —
Так, видно, рок велел;
И смертью чудной я умру,
И мрачен мой удел.

Не страшен так лукавый сам,
Когда пред черным днем

Он бродит в поле по ночам
С блестящим фонарем;

И мы в разъездах удалых,
Друзья неверной тьмы,
Уже не помним дней былых
Невинной тишины».

Мила Брайнгельских тень лесов;
Мил светлый ток реки;
И много здесь в лугах цветов
Прекрасным на венки.

1824

К КНЯГИНЕ М. А. ГОЛИЦЫНОЙ

Ты видала, как играет
Солнце раннею порой,
И лилея расцветает,
Окропленная росой.

Ты слыхала, как весною
Соловей в ночи поет,
Как с бесценною тоскою
Он раздумье в душу льет,

Под черемухой душистой
Часто взор пленялся твой
Блеском радуги огнистой
Над прозрачною рекой.

Там твое воспоминанье,
Твой пленительный привет,
Для сердец очарованье
И прекрасного завет.

Но, с увядшею душою,
Между радостных друзей
Как предстану пред тобою
С лирой томною моей?

Хоть порой с мечтами младость
И блестит в моих очах,
И поется мною радость
На задумчивых струнах:

В поле так цветок мелькает
Вместе с скошенной травой;
Так свет лунный озаряет
Хладный камень гробовой.

Лишь желать, молить я смею:
Да надежд прелестных рой
Вьется вечно над твоею
Светлорусой головой.

В свете гостья молодая,
Жизнью весело играй;
Бурям издали внимая,
Обо мне воспоминай!

1824

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

(Княгине З. А. Волконской)

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,

Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил:
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,—
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! отдай мне друга,—
На волнах его лелей,

Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

1825

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Бессонного солнце, в тумане луна!
Горишь ты далеко, грустна и бледна.
При тусклом мерцаньи мрак ночи страшней,
Так в памяти радость утраченных дней.
Минувшее блещет меж горестных туч.
Но сердца не греет томительный луч;
И радость былая, как ночью луна,
Видна — но далеко, ярка — но хладна.

1825

НА ОТЪЕЗД

Когда и мрак, и сон в полях,
И ночь разлучит нас,
Меня, мой друг, невольный страх
Волнует каждый раз.

Я знаю, ночь пройдет одна, —
Наутро мы с тобой;
Но дума втайне смущена
Тревожною тоской.

О, как же сердцу не грустить!
Как высказать печаль, —
Когда от тех, с кем мило жить,
Стремимся в темну даль;

Когда, быть может, увлечет
Неверная судьба
На целый месяц, целый год,
Быть может, — навсегда!

1825

К Н. И. ГНЕДИЧУ

Стансы на Кавказ и Крым

Мечтатель пламенный, любимец вдохновенья!
Звучит ли на горах волшебный лиры глас?
Хиосского слепца внимал ли песнопенья
Восторженный Кавказ?

Ты зрел, с какой красой власть чудная природы
Громады диких скал венчает ярким льдом,
Как благодатные в долинах хлещут воды
Кипучим серебром!

Там в синих небесах снега вершин сияют,
Над безднами висит пурпурный виноград,
И тучи под тобой, клубяся, застилают
Ревущий водопад.

Ты видишь, между скал как рыщет горный житель,
Черкес, отважный друг свободы и коня,
Там, где прикован был к утесу похититель
Небесного огня.

Но доле роковой Титан не покорился,
Лишь громовержца он надменно укорял;

Страдальцу гордому разгневанный дивился,
И гром в руке дрожал.

Иль, друг, уже теперь в объятьях тихой лени
Вечернею зарей ты смотришь на Салгир,
На сладострастные Таврические сени,
На радужный эфир?

Там северный певец в садах Бахчисарая
Задумчиво бродил, мечтами окружен;
Там в сумраке пред ним мелькнула тень младая, —
И струн раздался звон.

Ты слышал, как фонтан шумит во тьме полночной,
Как пламенно поет над розой соловей:
Но сладостный фонтан и соловей восточной
Не слаще, не звучней! ..

Быть может, давних дней воспоминанья полный,
И видя, как суда несутся по зыбям,
Ты думой тайною стремишься через волны
К далеким берегам, —

Чьи башни гордые с двурогими лунами
К лазурным небесам так дерзко вознеслись,
Где плещет Геллеспонт, где дремлют над струями
И мирт, и кипарис?

В их темной зелени на лоне вод белеет
Гарем с решетками и кровлей золотой,
И нежный аромат от роз огнистых веет
С прохладою ночной.

Ах, ясный неба свод, и шум валов
серебристых,
И розы пышные, и мирные леса,
И нега томная ночей твоих душистых,
И дев твоих краса —

Ничто, прелестный край, ничто народ суровый
Не в силах укротить! Он с каждым днем
грозней,
И мчат твоим сынам и гибель, и оковы
Армады кораблей.

Но меч, свободы меч, блеснул ужасным
блеском:
С ним бог: уж он разит врагов родной земли,
И, огненным столбом взлетая к небу
с треском,
Пылают корабли.

Их пламень осветил пучину роковую,
И рдеет зарево во мраке черных туч,
И вещего певца на урну гробовую
Упал багровый луч...

1825

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Мне говорят: «Она поет —
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтаньи сладком сердце бьется;

И тихо, мило на земли,
Когда поет она — милее,
И пламенней огонь любви,
И все прекрасное святее!»

А я, я слез не проливал,
Волшебным голосом плененный;
Я только помню, что видал
Певицы образ несравненный.

О, помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые!

И помню звук ее речей,
Как помнят чувство дорогое:
Он слышится в душе моей, —
В нем было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о Пери молодой
Долины светлой Кашемира.

Звезда любви над ней горит,
И — стан обхвачен пеленою —
Она, эфирная, летит,
Чуть озаренная луною,

Из лилий с розами венок
Небрежно волосы венчает,
И локоны ея взвевает
Душистой ночи ветерок.

1826

НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи́ отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, на утро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

1826

НОВЫЕ СТАНСЫ

Прости! уж полночь; над луною,
Ты видишь, облако летит;
Оно туманной пеленою
Сиянье нежное мрачит.

Я мчуся в даль, мой парус веет,
Шумит разлучница волна, —
Едва ли прежде прояснеет
На своде пасмурном луна.

И я, как облако густое,
Тебя, луна моя, затмил;
Я горем сердце молодое
И взор веселый омрачил.

Твой цвет, и радостный, и нежный,
Моей любовью опален;
Свободна ты, — мой жар мятежный
Забудь скорей, как страшный сон!

Не увлекись молвою шумной!
Убило светлые мечты
Не то, что я любил безумно,
Но что не так любила ты.

Прости — не плачь! уже редеет
Туман пред ясною луной,
Взыграло море, парус веет —
И я в челнок бросаюсь мой.

1827

П. Ф. БАЛК-ШОЛЕВУ

Lorsque je sens le rézéda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme.

Друг, ты прав: хотя порой,
Достигая бед забвенья,
Мы, в груди стеснив волненья,
Дремлем томною душой, —
Невзначай в мечте воздушной
Отзыв прежнего слетит,
И предмет нам равнодушный
Память сердца воскресит.
Неожиданно, случайно,
Потрясет душевной тайной
Летний вечер, звук, цветок,
Песня, месяц, ручеек,
Ветер, море — и тоскою
Всё опять отравлено;
Как бы молнийной струею
Снова сердце прожжено.

И той тучи мы не знаем,
Вдруг откуда грянул гром,
Лишь томимся и страдаем;
Мрак и ужасы кругом:

Призрак страшный, неотступной
Образует в думе смутной
Холод дружбы, сон любви,
То, с кем радость погребли,
Всё, о чем мы тосковали,
Что любили, потеряли,
Чем был красен божий свет,
Всё, чего для нас уж нет.

1828

КИЕВ

О Киев-град, где с верою святою
Зажглася жизнь в краю у нас родном,
Где светлый крест с Печерскою главою
Горит звездой на небе голубом,
Где стелются зеленой пеленою
Поля твои в раздолье золотом,
И Днепр-река, под древними стенами,
Кипит, шумит пенистыми волнами!

Как часто я душой к тебе летаю,
О светлый град, по сердцу мне родной!
Как часто я в мечтах мой взор пленяю
Священною твоею красотой!
У Лаврских стен земное забываю,
И над Днепром брожу во тьме ночной:
В очах моих все русское прямое —
Прекрасное, великое, святое.

Уж месяц встал; Печерская сияет;
Главы ее в волнах реки горят;
Она душе века напоминает;
Небесные там в подземелье спят;
Над нею тень Владимира летает;
Зубцы ее о славе говорят.

Смотрю ли вдаль — везде мечта со мною,
И милою всё дышит стариною.

Там витязи сражались удалые,
Могучие, за родину в полях;
Красою здесь цвели княжны младые,
Стыдливые, в высоких теремах,
И пел Баян им битвы роковые,
И тайный жар таился в их сердцах.
Но полночь бьет, звук меди умирает;
К минувшим дням еще день улетает.

Где ж смелые, которые сражались,
Чей острый меч, как молния, сверкал?
Где та краса, которой все пленялись,
Чей милый взгляд свободу отнимал?
Где тот певец, чьим пеньем восхищались,
Ах, вещий бой на всё мне отвечал!
И ты один под башнями святыми
Шумишь, о Днепр, волнами вековыми!

1828

К ИТАЛИИ

(В. А. Жуковскому)

Лети со мной к Италии прелестной,
Эфирный друг, фантазия моя!
Земля любви, гармонии чудесной,
Где радостей веселая семья
Взлелеяна улыбкою небесной,
Италия, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима, —
Но как ты мной, прекрасная, любима!

Мне видятся полуденные розы,
Душистые лимонные леса,
Зеленый мирт и виноградны лозы,
И синие, как яхонт, небеса.
Я вижу их — и тихо льются слезы...
Италия, мила твоя краса,
Как первое любви младой мечтанье,
Как чистое младенчества дыханье.

С высот летят сияющие воды,
Жемчужные — над безднами горят;
Таинственных видений хороводы,
Прозрачные — вкруг гор твоих кипят;
Твои моря, не зная непогоды,

Зеленые — струятся и шумят;
Воздушный пир — твой вечер благодатной
С прохладою и негой ароматной.

Луна взошла, а небосклон пылает
Последнею багряною зарей;
Высокий свод безоблачно сияет,
Весь радужной подернут пеленой;
И яркий луч, сверкая, рассыпает
Блеск розовый над сонною волной;
Но гаснет он под ризою ночною,
Залив горит, осеребрен луною.

И я несусь волшебными крылами
К развенчанной царице волн морских:
Там звук октав с любовью и мечтами
При сладостном мерцаньи звезд ночных;
Там Байрон пел; там бродит меж гробами
Тень грозная свободы дней былых;
Там в тишине как будто слышны стоны
Пленительной, невинной Дездемоны.

Но вдруг печаль, Италия, стеснила
Души восторг и светлые мечты;
Слезами ты и кровью искупила
Дар пагубный чудесной красоты;
Она к тебе рать буйную манила
Угрюмых гор с туманной высоты;
И враг — твой бич, и гордый избавитель—
Не мирный друг, но хищный притеснитель.[1]

[1] Наполеон.

А ты прими от сердца завещанье,
Певец, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зреть тех волн очарованье
И нежный блеск над Брентою луны,
И вспомнишь ты дум пламенных мечтанье,
И юных лет обманутые сны.
О, в сладкий час, душою посвященный
Друзьям живым и праху незабвенный,

Когда в пылу сердечных упоений
Ты звонких струн таинственной игрой
Сольешь, о друг, ряд северных видений
С небесною Италии красой,
И, может быть, в толпе родных явлений
Промчусь и я, как призрак, над тобой, —
Скажи земле певца Ерусалима,
Как мной была прекрасная любима!

1828

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(Т. С. Вдмрв-ой)

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон, —
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1828

МОЛОДОЙ ПЕВЕЦ

Ирландская мелодия

На брань летит младой певец,
Дней мирных бросив сладость;
С ним меч отцовский — кладенец,
С ним арфа — жизни радость.
«О, песней звонких край родной,
Отцов земля святая,
Вот в дань тебе меч острый мой,
Вот арфа золотая!»

Певец пал жертвой грозных сеч;
Но, век кончая юный,
Бросает в воду острый меч
И звонкие рвет струны.
«Любовь, свободу, край родной,
О струны, пел я с вами;
Теперь как петь в стране вам той,
Где раб звучит цепями?»

1828

ОБВОРОЖЕНИЕ

(Князю П. А. Вяземскому)

Ночь. Манфред один. Тень, в виде молодой прекрасной женщины, поет:

Когда луна сребрит поток,
И червь, светясь, в траве трепещет,
И на кладбище огонек,
А влажный пар в болотах блещет;
Когда вой сов тревожит лес,
И звезды падают с небес,
И ветерок в унылой тьме
Меж листьев дремлет на холме, —
В тот час и с властью, и с клеймом
На сердце лягу я твоем.

Сон крепкий очи и сомкнет,
Но дух твой смутный не уснет.
Есть тени — им не исчезать;
Есть думы — их не отогнать.
В твоей написано судьбе,
Чтоб одному не быть тебе.
Как бы одет в туман густой,
Как обвит в саван гробовой,
Так будешь жить обворожен,
Безвестной власти покорен.

Хоть невидимкой буду я,
Твой взор почувствует меня,
Как то, что прежнею порой
И было, и опять с тобой;
И, в тайном ужасе твоем
Когда посмотришь ты кругом, —
Ты удивишься, что уж я
Пропала, как и тень твоя;
И будешь ты от всех таить,
Под чьею властью должен жить.

Волшебным словом ты клеймен,
В купель проклятья погружен;
Эфирный дух тебя схватил,
Тебя он сетью окружил.
И голос есть у ветерка,
И веет с ним к тебе тоска;
Спокойной ночи тишина
Тебе в отраду не дана,
А днем есть солнце над тобой,
Еще страшнее тьмы ночной.

Из слез твоих мной извлечен
Сок страшный — смерть вливает он;
В нем та кровь черная твоя,
Что в черном сердце у тебя;
С улыбки сорвана твоей
Змея, клубящаяся в ней;
И чары взяты с уст твоих, —
Отрава вся таилась в них.
Теперь на деле видно мне,
Что яд сильнейший был в тебе.

За мрачный дух твоих коварств,
За бездны тайные лукавств,
За кротость ложную очей,
Змею-улыбку, яд речей,
За дар твой дивный убедить,
Что с сердцем ты, что мог любить,
За твой к чужим страданьям хлад,
За то, что Каину ты брат, —
Ты властью обречен моей
Носить твой ад в душе твоей.

Фиал в руках, — уже я лью
Проклятье на главу твою;
И ты покоя не найдешь,
И не уснешь, и не умрешь,
И смерти будешь ты желать,
Страшась всечасно умирать;
Но вот уж ты обворожен,
Незвучной цепью окружен;
И сердцем и умом страдай.
Свершились чары. Увядай!

1828

К ТИРЗЕ

Решусь — пора освободиться
От мрачной горести моей,
Вздохнуть в последний раз, проститься
С любовью, с памятью твоей!
Забот и света я чуждался,
И не для них был создан я;
Теперь же с радостью расстался:
Каким бедам страшить меня?

Хочу пиров, хочу похмелья,
Бездушным в свете стану жить,
Со всеми рад делить веселья,
Ни с кем же горя не делить.
То ль было прежнею порою!
Но счастье жизни отнято:
Здесь в мире брошен я тобою,
Ничто уж ты — и всё ничто.

Улыбка — горю лишь угроза, —
Из-под нее печаль видней:
Она, как на гробнице роза.
Мученье сжатое сильней.
Хоть меж друзей в беседе шумной
Невольно чаша оживит,

Весельем вспыхнет дух безумный, —
Но сердце томное грустит.

Взойдет, бывало, месяц полный
Над кораблем в тиши ночной;
Он серебрит Эгейски волны, —
А я, к тебе стремясь душой,
Любил мечтать, что взор твой милый
Теперь пленяет та ж луна:
О Тирза! над твоей могилой
Тогда светила уж она.

В часы бессонные недуга,
Как яд кипел, волнуя кровь,
«Нет, — думал я, — страданьем друга
Уж не встревожится любовь!»
Ненужный дар тому свобода,
Кто в узах жертва дряхлых лет;
Хоть воскресит меня природа, —
К чему? — тебя в живых уж нет!

Когда любовь и жизнь так новы,
В те дни залог мне дан тобой, —
Печали краской рок суровый
Мрачит его передо мной.
Навек той сердце охладело,
Кем было всё оживлено;
Мое без смерти онемело;
Но чувства мук не лишено.

Залог любви, печали вечной,
Прижмись, прижмись к груди моей;

Будь стражем верности сердечной,
Иль сердце грустное убей!
В тоске не гаснет жар мятежный,
Горит за сенью гробовой,
И к мертвой пламень безнадежный
Святее, чем любовь к живой.

1828

К МОРЮ

(А. С. Пушкину)

Отрада есть во тьме лесов дремучих;
Восторг живет на диких берегах;
Гармония слышна в волнах кипучих,
И с морем есть беседа на скалах.
Мне ближний мил; но там, в моих мечтах,
Что́ я теперь, что был — позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милей; постичь стремлюся я
Всё то, чему нет слов, но что таить нельзя.

Теки, шуми, о море голубое!
Несметный флот ничто твоим волнам;
И человек, губящий всё земное,
Где твой предел, уже страшится сам.
Восстанешь ты — и горе кораблям,
И бич земли, путь дерзкий означая
Бедой своей, как капля дождевая,
Идет на дно, где скрыт его и след —
И он не в саване, не в гробе, не отпет.

Твои поля злодей не завоюет,
Твои стези не для его шагов;

Свободно ты: лишь бездна забушует,
И тот пропал, кто б сушу был готов
Поработить, Его до облаков,
Дрожащего, с презреньем ты бросаешь, —
И вдруг, резвясь, в пучину погружаешь;
И вопит он: где пристань! о гранит
Его ударишь ты — и век он там лежит.

Бросающий погибель и оковы,
Огонь, и смерть из челюсти своей,
Рушитель сил, левиафан дубовый,
Гроза твердынь, народов и царей —
Игрушкою бунтующих зыбей,
И с тем, кто в нем надменно в бой летает,
Кто, бренный сам, владеть тобой мечтает;
Подернуло ты пеной бурных вод
Армаду гордую и Трафальгарский флот.

Предел держав, твой берег изменился:
Где Греция, и Рим, и Карфаген?
Свободный, он лишь волн твоих страшился;
Но, сильных раб и жертва перемен,
Пришельцев здесь, там диких носит плен;
Его везде неволя утомила,
И сколько царств в пустыни иссушила!
Твоя лазурь, веков отбросив тень,
Всё та ж — млада, чиста, как в первобытный день.

Ты зеркалом всесильному сияешь,
Он зрит в тебе при бурях образ свой.
Струишься ль ты, бунтуешь, иль играешь,

Где твердый лед, и там, где пылкий зной,
Ты, океан, чудесен красотой,
Таинственный, бездонный, бесконечный!
Незримого престол, как небо вечный,
Времен, пространств заветный властелин,
Течешь ты, страшный всем, глубокий и один.

1828

АКЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В пространстве я плыву сухого океана;
Ныряя в зелени, тону в ее волнах;
Среди шумящих нив я зыблюся в цветах,
Минуя бережно багровый куст бурьяна.

Уж сумрак. Нет нигде тропинки, ни кургана;
Ищу моей ладье вожатую в звездах,
Вот облако блестит; — заря на небесах...
О, нет! — то светлый Днестр, — то лампа Акермана.

Как тихо! постоим: далеко слышу я,
Как вьются журавли; в них сокол не вглядится;
Мне слышно — мотылек на травке шевелится,

И грудью скользкою в цветах ползет змея.
Жду голоса с Литвы — туда мой слух проникнет...
Но едем, — тихо всё — никто меня не кликнет.

1828

БУРЯ

Корма затрещала, летят паруса,
Встревоженной хляби звучат голоса,
И солнце затмилось над бездной морскою
С последней надеждой, кровавой зарею.

Громада, бунтуя, ревет и кипит,
И волны бушуют, и ветер шумит,
И стон раздается зловещих насосов,
И вырвались верви из рук у матросов.

Торжественно буря завыла; дымясь,
Из бездны кипучей гора поднялась,
И ангел-губитель по ярусам пены
В корабль уже входит, как ратник на стены.

Кто, силы утратив, без чувства падет;
Кто, руки ломая, свой жребий клянет;
Иной полумертвый о друге тоскует,
Другой молит бога, да гибель минует.

Младой иноземец безмолвно сидит,
И мнит он: «Тот счастлив, кто мертвым лежит,
И тот, кто умеет усердно молиться,
И тот, у кого еще есть с кем проститься».

1828

ЗАРЯ ПОГАСЛА

Заря погасла; ветерки
В поляне дуют меж кустами,
Срывают ландыш, васильки —
И вместе с алыми цветами,
Подобно пестрым мотылькам,
Кружа, разносят по лугам.
Так изумруды, аметисты,
Жемчуг и яхонты огнисты
Небрежно резвою рукой
С лилейных пальцев, в час ночной
Ложася спать, полунагие,
Роняют девы молодые.

1828

К ТЕНИ ДЕСДЕМОНЫ

Hast thou prayed...

Десдемона, Десдемона!
Далека тревог земных,
К нам из тучи с небосклона
Ты дрожишь звездой любви.

Ты красу свою и младость
Обрекла мечте святой;
Но тебе мелькнула радость
Под могильной пеленой.

Кто небесным лишь дышала,
Та цвести здесь не могла;
В бурях неги ты искала, —
Розу молния сожгла.

И мольбе твоей, и стону
Африканец не внимал;
В страсти буйной Десдемону
Он для сердца сберегал.

И любовник безнадежной,
Звездный мир страша собой,
Всё кометою мятежной
Он стремится за тобой.

1829

ВОСПОМИНАНИЕ 14-го ФЕВРАЛЯ

Сегодня год, далеко там, где веет
Душистый пар от Средиземных волн,
Где свежий мрак по их зыбям лелеет
Любви младой дрожащий, легкий челн,
И свод небес безоблачно синеет,
И где эфир волшебной неги полн,
Где Уголин во мгле вкруг башни бродит,
Когда над ней полночный месяц всходит, —

Далеко там она с себя сложила
Судьбы земной печаль, ярмо и страх.
Тяжелый крест прекрасная носила, —
Цветы любя, с улыбкой на устах;
Прижав к груди, детей благословила,
И, может быть, вздохнула о друзьях,
Невольно взор на Север устремляя,
Где блещет ей звезда ее родная,

И нет ее, — и над ее могилой
Трава и дерн лишь смочены росой;
Туда нейдет в раздумьи друг унылой
Мечтать, грустить, сливаться с ней душой:
Бесценный прах и сердцу вечно милой
Как бы один лежит в земле чужой,

И плачу я, и дух мой сокрушенной
Тоска влечет к могиле незабвенной.

Мечта иль сон, но мне она предстала.
Сама собой во тьме озарена,
И радостью небесною дышала,
И на челе святая тишина;
Она меня безмолвно утешала,
И облаком была унесена.
О, сколько слез в немом ее привете!
И нет такой улыбки в здешнем свете!

1831

СОН

(Графине Фикельмон)

A change came o'er the
spirit of my dream.
L. Byron

В мое окно стучал мороз полночный,
И ветер выл; и я пред камельком,
Забыв давно покоя час урочный,
Сидел, согрет приветным огоньком.
Я полон был глубоких впечатлений,
Их мрачностью волнующих сердца;
Стеснялся дух мечтаньями певца
Подземных тайн и горестных видений:
Я обмирал, но с ним стремил мой взгляд
Сквозь тьму веков на безнадежный ад.
В томленьи чувств на лоне поздней ночи
Внезапно сон сомкнул усталы очи;
Но те мечты проникли душу мне, —
Ужасное мерещилось во сне, —
И с Дантом я бродил в стране мученья,
Сменялися одно другим явленья;
Там плач и вопль летят в унылый слух,
Мне жжет глаза, мелькая, злобный дух,
И в зареве греховной, душной сени

Предстали мне страдальческие тени,
То вижу я, испуган чудным сном,
Как Фаринат, горя в гробу своем,
Приподнялся, бросая взор кичливый
На ужас мук. Мятежник горделивый!
Его крушит не гроб его в огне, —
Крушит позор в родимой стороне.
То новый страх — невольно дыбом волос —
Я вижу кровь, я слышу муки голос,
Преступник сам стеснен холодной мглой:
Терзаемый и гневом и тоской,
Вот Уголин злодея череп гложет;
Но смерть детей отец забыть не может, —
Клянет и мстит, а сердцем слышит он
Не вопль врага — своих младенцев стон.

И вихрь шумит, как бездна в бурном море,
И тени мчит, — и вихорь роковой
Сливает в гул их ропот: «горе, горе!»
И всё крушит, стремясь во мгле сырой.
В слезах чета прекрасная, младая
Несется с ним, друг друга обнимая:
Погибло всё — и юность, и краса,
Утрачены Франческой небеса!
И смерть дана — я знаю чьей рукой, —
И вижу я, твой милый друг с тобою!
Но где и как, скажи, узнала ты
Любви младой тревожные мечты?
И был ответ: «О, нет мученья боле,
Как вспоминать дни счастья в тяжкой доле!
Без тайных дум, в привольной тишине,

Случилось нам читать наедине,
Как Ланцелот томился страстью нежной.
Бледнели мы, встречался взгляд мятежной,
Сердца увлек пленительный рассказ:
Но, ах, одно, одно сгубило нас!
Как мы прочли, когда любовник страстный
Прелестные уста поцеловал,
Тогда и он, товарищ мой несчастный,
Но мой навек, к груди меня прижал, —
И на моих его уста дрожали, —
И мы тот день уж боле не читали».

И снится мне другой чудесный сон
Светлее мрак, замолкли вопль и стон,
И в замке я в каком-то очутился.
Вокруг меня всё блещет, всё горит,
И музыка веселая гремит,
И нежный хор красот младых резвился.
Я был прельщен: но всё мечталось мне
То страшное, что видел в первом сне.
Франческа! я грустил твоей тоскою.
Но что ж, и здесь ужели ты со мною,
И в виде том, как давнею порой
Являлась ты пред жадною толпой,
Не зная слез, цветя в земле родимой?
Вот образ твой и твой наряд любимой!
Но ты уж тень. Кого ж встречаю я?
Кто вдруг тобой предстала пред меня?
Свежее роз, прекрасна, как надежда.
С огнем любви в пленительных очах,
С улыбкою стыдливой на устах;
И черная из бархата одежда

С богатою узорной бахромой
Воздушный стан, рисуя, обнимает;
Цвет радуги на поясе играет,
И локоны, как бы гордясь собой,
Бегут на грудь лилейную струями,
Их мягкий шелк унизан жемчугами,
Но грудь ее во блеске молодом
Пленяет взор не светлым жемчугом:
Небрежное из дымки покрывало
За плеча к ней, как белоснег, упало,
О, как она невинности полна!
Оживлено лицо ее душою
Сердечных дум, небесных чистотою...
Прелестна ты, прелестнее она.

И милому виденью я дивился,
Узнал тебя, узнал — и пробудился...
Мой страх исчез в забавах золотых
Страны небес огнисто голубых,
Где всё цветет, — и сердцу наслажденье,
Где всё звучит бессмертных песнопенье.
О, как молил я пламенно творца,
Прекрасный друг безвестного певца,
Чтоб ты все дни утехами считала,
Чтоб и во сне туч грозных не видала!
Счастливой быть прелестная должна.
Будь жизнь твоя так радостна, нежна,
Как чувство то, с каким, тебя лаская,
Младенец-дочь смеется пред тобой,
Как поцелуй, который, с ней играя,
Дает любовь невинности святой!

1831

РОМАНС ДЕСДЕМОНЫ

(С английского)

В раздумье бедняжка под тенью густою
Сидела, вздыхая, крушима тоскою:
Вы пойте мне иву, зеленую иву!
Она свою руку на грудь положила
И голову тихо к коленам склонила:
О ива ты, ива, зеленая ива!
Студеные волны, шумя, там бежали, —
И стон ее жалкой те волны роптали:
О ива ты, ива, зеленая ива!
Горючие слезы катились ручьями,
И дикие камни смягчались слезами.
О ива ты, ива, зеленая ива!
Зеленая ива мне будет венком!

1831

НАС СЕМЕРО

(А. В. В.)

Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьем, жизнию цветя,
Как может смерть понять?

Навстречу девочка мне шла.
Лет восемь было ей,
Ее головку облегла
Струя густых кудрей;

И дик был вид ее степной,
И дик простой наряд,
И радовал меня красой
Малютки милой взгляд.

«Всех сколько вас? — ей молвил я, —
И братьев и сестер?» —
«Всего нас семь», — и на меня,
Дивясь, бросает взор.

«А где ж они?» — «Нас семь всего. —
В ответ малютка мне: —

Нас двое жить пошли в село,
И два на корабле,

И на кладбище брат с сестрой
Лежат из семерых,
А за кладбищем я с родной, —
Живем мы подле них». —

«Как? двое жить в село пошли,
Пустились двое плыть, —
А всё вас семь! Дружок, скажи,
Как это может быть?» —

«Нас семь, нас семь, — она тотчас
Опять сказала мне: —
Здесь на кладбище двое нас,
Под ивою в земле». —

«Ты бегаешь вокруг нее,
Ты, видно, что жива;
Но вас лишь пять, дитя мое,
Когда под ивой два». —

«На их гробах земля в цветах,
И десяти шагов
Нет от дверей родной моей
До милых нам гробов;

Я часто здесь чулки вяжу,
Платок мой здесь рублю,
И подле их могил сижу
И песни им пою;

И если позднею порой
Светло горит заря,
То, взяв мой сыр и хлеб с собой,
Здесь ужинаю я.

Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна,
Но бог ей не забыл помочь, —
И спряталась она;

Когда ж ее мы погребли
И расцвела земля,
К ней на могилу мы пришли
Резвиться — Джон и я;

Но только дождалась зимой
Коньков я и саней.
Ушел и Джон, братишка мой,
И лег он рядом с ней». —

«Так сколько ж вас?» — был мой ответ: —
«На небе двое, верь!» —
«Вас только пять». — «О, барин, нет,
Сочти, — нас семь теперь». —

«Да нет уж двух, — они в земле,
А души в небесах!»

Но был ли прок в моих словах?
Всё девочка твердила мне:
«О нет, нас семь, нас семь!»

1832

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Вольное подражание Шатобриану

С любовью вечною, святой
Я помню о стране родной,
Где жизнь цвела;
Она мне видится во сне.
Земля родная, будь ты мне
Всегда мила!

Бывало, мы пред огоньком
Сидим с родимой вечерком —
Сестра и я,
Поем, смеемся, — полночь бьет, —
И к сердцу нас она прижмет,
Благословя.

Я вижу тихий, синий пруд,
Как ивы с тростником растут
На берегах;
И лебедь вдоль него летит,
И солнце вечера горит
В его волнах.

И вижу я: невдалеке
Зубчатый замок на реке
В тиши стоит

С высокой башней, и на ней
Я слышу, мнится, в тьме ночей,
Как медь гудит.

И как я помню, как люблю
Подругу милую мою!
О! где ж она?
Бывало, в лес со мной пойдет,
Цветов, клубники наберет...
Мила, нежна!

Когда ж опять увижу я
Мою Сияну, лес, поля
И над рекой
Тот сельский домик, где я жил?..
О, будь, всегда будь сердцу мил,
Мой край родной!

1832

НЕ НАЯВУ И НЕ ВО СНЕ

Фантазия
(Князю П. Г. Гагарину)

A song that said a thusand things.

Откинув думой жизнь земную,
Смотрю я робко в темну даль;
Не знаю сам, о чем тоскую,
Не знаю сам, чего мне жаль.

Волной, меж камнями дробимой,
Лучом серебряной луны,
Зарею, песнию любимой
Внезапно чувства смущены.

Надежда, страх воспоминанья
Теснятся тихо вкруг меня;
Души невольного мечтанья
В словах мне выразить нельзя.

Какой-то мрачностью унылой
Темнеет ясность прежних дней;
Манит, мелькает призрак милой,
Пленяя взор во тьме ночей.

И мнится мне: я слышу пенье
Из-под туманных облаков...
И тайное мое волненье
Лелеять сердцем я готов.

1832

К А. И. ТУРГЕНЕВУ

Когда же, скоро ль, друг далекой,
В родимый край примчишься ты?
Как часто в скуке одинокой
К тебе летят мои мечты!
Как часто горе убеждает
Меня в той истине святой,
Что дружбой бог благословляет
На то, чтоб в доле роковой
Сердца не вовсе унывали,
Чтоб мы сквозь слезы уповали!
О! где же ты? — Когда печаль
Наводит томно мрак угрюмой, —
Забыв безжалостную даль,
Тебя ищу обычной думой;
Но, друг, обманута рука, —
И лишь душа к тебе близка.
Что ж делать в грусти? — час веселый
Вперед себе воображать,
Петь песни с ношею тяжелой,
Желаньем время обгонять.
Так! рано ль, поздно ль, но с тобою
Мы будем жизнью жить одною;
Наступит нам желанный срок.
Из края в край судьбой носимый,

Бесценный друг и гость любимый,
Приедешь ты в мой уголок;
Родными окружен сердцами,
Найдешь ты с теми же друзьями
Душистый чай и огонек;
И наш Жуковский будет с нами.
Друг, без него, ты знаешь сам,
Полна ли жизнь обоим нам!
И в час свиданья тень святая
От звезд далеких к нам слетит
И, тихо думы услаждая,
Беседу нашу освятит.
Все так же жить, все видеть то же
Теперь в уделе, друг, моем:
А ты — разлукою дороже;
Ты нам расскажешь обо всем:
И как ты жил среди народа,
Где все и славно и чудно́,
Где власть, законы и свобода
Слились в великое одно;
И как в ущельях ты скитался
Той романтической земли,
Где пламенный Дуглас сражался,
Мария розою любви
Цвела, резвилася, любила, —
И кровью плаху оросила.
Но верный ум и блеск речей
Как много б нас ни увлекали, —
Священный жар твоей печали
Проникнет в душу к нам скорей.
Мой друг, не мешкай! Дань терпенью,
Поверь, давно заплачена;

Ценой — утрата наслажденью.
Но радость часто неверна!
Летучим прахом дни несутся;
Ужасно сердцем обмануться!
Кто знает, новою зарей
Что будет с нами и с тобой?
Так, возвратяся в степь родную,
Нашел аравитянин в ней
И ключ, и пальму вековую, —
Но прежних не нашел друзей.

1833

ИЗ ТРАГЕДИИ НИКОЛИНИ:
GIOVANNI DI PROCIDA

Хор певцов

Уж не холодный ветер веет,
Проникло солнце в тень лесов;
Зачем так пышно зеленеет
Земля измученных рабов?

Поля, где кровь текла рекою,
Где тлеют кости сыновей,
Одеты жатвой золотою —
Твоей добычею, злодей!

Затмись, Италии прекрасной
Лазурный свод, — покройся мглой!
О, не свети так солнце ясно
Над притесненною страной!

Весна природу оживляет,
Но не пробудит мертвецов:
Их страшен сон, их попирает
Стопа надменных пришлецов.

Певец

Как Этна, погибель во мраке свершая,
Готовит не пламень, который блестит,

И к небу стремится, ужасно сверкая,
И в бездну родную обратно летит,
Но лаву, текущую с грозной вершины
Путем неизвестным безмолвно в долины,
Где все сокрушает в порыве немом.
И губит беспечных внезапным огнем:
Так гнев справедливый, готовясь на мщенье,
За край наш родимый мы станем таить,
Чтоб видом спокойным в сердцах подозренье
У буйных злодеев скорей усыпить.

Хор

И девы Сицильянские,
Скрываясь от врагов,
Венками не украшены
Из горестных цветов,
Взлелеянных тем воздухом,
Которым Франк дышал,
И в той земле рожденными,
Где он, наглец, ступал;
Но кудри свои черные
Фиалками увьют,
Когда они в кровавый день
К свободе расцветут.

1833

СТАНСЫ

Тоскуя о подруге милой
Иль, может быть, лишен детей,
Осиротелый и унылой,
Поет и стонет соловей.

И песнию своей кручины
В воздушной тьме он сладость льет,
Пленяет тихие долины,
И будто для меня поет.

И всю он ночь как бы со мною
Горюет вместе, и своей
Напоминает мне тоскою
О бедной участи моей.

Но мне за мой удел несчастный
Себя лишь должно обвинять;
Я думал: смерти не подвластны...
Нельзя прекрасным умирать.

И я узнал, тоской сердечной
Когда вся жизнь отравлена, —
Как всё, что мило, скоротечно,
Что радость — молния одна.

1833

ДВА ЧЕЛНОКА

Течет прозрачная река,
Шумит, блестит меж берегами.
По той реке два челнока
Несутся быстрыми волнами;
Различен вид двух челноков,
Различна песня двух пловцов.

Один челнок был весь в цветах,
И белый парус тихо веял,
Мелькал на светлых он волнах,
И ветерок его лелеял;
Собой любуясь, он летит, —
Младая прелесть в нем сидит.

Другой челнок едва нырял,
Свершая тяжко бег упорный;
С трудом он волны рассекал,
На нем вздымался парус черный;
И гибель вкруг него шумит, —
Страдалец бледный в нем сидит.

Смеясь, прекрасная поет:
«Как мне отрадно плыть рекою! ..
На берегах весна цветет,

Душистый воздух надо мною,
И солнце страх мой гонит прочь,
И месяц светит в темну ночь.

«И мне легко на свете жить! . .
Сбылись мечты мои младые,
И сладко с милым мне делить
Все чувства, сердцу дорогие!
И с каждым днем счастливей я,
И пламенней любовь моя!

«Цвету душой! . . но вдалеке
Одно меня тревожит горе:
Есть бездна мрачная в реке,
Там, где она впадает в море! . .
И как мне жизнью ни играть, —
Но бездны той не миновать! . .»

И слышен был страдальца стон:
«Как мне ужасно плыть рекою! . .
На берегах со всех сторон
Угрюмый бор передо мною,
И солнце в тучах тмится днем,
А ночью мгла и страх кругом.

«И тяжко мне на свете жить,
Где облилося сердце кровью,
Где бедный я, стремясь любить,
Обманут дружбой и любовью,
Где навсегда убит грозой
Моих надежд любимых рой.

«И предан я навек тоске! ..
Лишь мне одно отрадно в горе:
Есть бездна мрачная в реке,
Там, где она впадает в море! ..
Не страшно мне о том мечтать,
Что бездны нам не миновать!»

И челноки в далекий край
Реки стремленье направляет, —
И вдруг, как будто невзначай,
Их бездна мрачная встречает;
Шумит, ревет, кипит река...
Пропали оба челнока.

И свет давно забыл пловцов;
Но весть надеждой озарила,
Что бездна робких челноков
Во тьме своей не погубила,
И что таинственным путем
Они в том море голубом,

Где нас уж буря не страшит,
Где негу льет эфир душистой,
И свод безоблачный горит
Сияньем радуги огнистой;
Где всё блестит в красе младой,
Всё дышит радостью святой,

И та, чью жизнь лелеял свет,
Счастливей думою сердечной,
Что там уже разлуки нет,
Что жар любви пылает вечно,

Что бережет надежный ток
Ее пленительный челнок.

И, сбросив мрак тоски своей,
Узнал страдалец жизни радость;
Он памятью печальных дней
Теснее обнимает радость;
Цветет, отрадою дыша,
Его бессмертная душа.

1833

СОН РАТНИКА

Подкопы взорваны — и башни вековые
С их дерзкою луной погибель облегла;
Пресекла в ужасе удары боевые
Осенней ночи мгла.

И в поле тишина меж русскими полками;
У ружей сомкнутых дымилися костры,
Во тьме бросая блеск багровыми струями
На белые шатры.

В раздумьи я смотрел на пламень красноватой;
Мне раненых вдали был слышен тяжкий стон;
Но, битвой утомясь, под буркою косматой
Уснул — и вижу сон.

Мне снилось, что, простясь с военною тревогой,
От тех кровавых мест, где буйство протекло,
Поспешно я иду знакомою дорогой
В родимое село.

Мне церковь сельская видна с горы высокой,
И Клязьмы светлый ток в тени ракит густых;

И слышу песнь жнецов, и в стаде лай
далекой
Собак сторожевых.

Я к хижине сходил холмов с крутого ската,
Разлуки тайный страх надеждой веселя, —
И дряхлый мой отец, тотчас узнав солдата,
Вскочил без костыля.

В слезах моя жена мне кинулась на шею,
Мила, как в день венца, и сердцу, и очам;
Малютки резвые бегут ко мне за нею;
Сосед пришел к друзьям.

«Клянусь, — я говорил, склонен на то
родными, —
Теперь я к вам пришел на долгое житье!»
И дети обвили цветками полевыми
И штык мой и ружье.

Я милых обнимал... но пушка вестовая
Сон тихий прервала, и — в сечу мне лететь!
И к Варне понеслась дружина удалая...
Иль там мне умереть?

1833

БЕВЕРЛЕЙ

Шотландская баллада из Валтера Скотта
(Вольное подражание)

С младым Беверлеем кто равен красой?
Стрелою несется с ним конь вороной,
Он скачет бесстрашно, он скачет один,
С ним только меч острый — надежда дружин;
В любви всех вернее, а в битвах смелей,
Меж витязей славен младой Беверлей.

В лесу нет преграды, утес не высок,
Бушует ли буря — он вплавь чрез поток;
Но в Нетерби витязь на горе скакал:
Невеста склонилась — жених опоздал!
Соперник бездушный с Матильдой твоей
Идет уж венчаться, младой Беверлей!

Он в замке, он видит: пирует семья,
Шумят, веселятся родные, друзья;
Жених торопливый, бледнея, молчит.
За меч ухватяся, отец говорит:
«У нас ты на свадьбе как друг иль злодей?
На брань иль на танцы, младой Беверлей?» —

«От вас мне награда в любви не дана;
Любовь рекой льется, кипит, как волна;
Мила мне Матильда, — но с вами равно
Готов я на танцы, готов на вино;
Есть много пригожих; невесту нежней,
Быть может, достанет младой Беверлей». —

Бокал с поцелуем у девы он взял,
Вино выпил разом — и бросил бокал.
Невеста вздохнула, огонь на щеках,
Улыбки искала, а слезы в очах;
И мать хоть сердилась, — взяв руку у ней,
Ведет ее в танцы младой Беверлей.

И все любовались прелестной четой,
Его ловким станом, ее красотой;
Родные же смотрят с досадой на них,
С пером своей шляпы играет жених;
И шепчут подруги: «О, если бы ей
Прекрасный был мужем младой Беверлей!»

Он жмет ее руку, он что-то сказал, —
И вдруг оба вышли, а конь поджидал.
Проворно он с нею вскочил на коня:
«Теперь не догонят злодеи меня!
Матильда, друг милый, навек ты моей!» —
И вихрем помчался младой Беверлей.

В погоню гнались по рвам, по холмам,
И Мюсгрев, и Форстер, и Фенвик, и
Грамм;

Скакали, искали вблизи и вдали —
Пропадшей невесты нигде не нашли.
В любви всех вернее, а в битвах смелей —
Таков был отважный, младой Беверлей!

1833

НОЧЬ

Элегия

Корабль наш рассекал стекло морских
равнин,
И сеял искрами бездонный мрак пучин.
Уж месяц пламенел, вздымался пар
душистой,
И сноп серебряный дрожал в лазури чистой
Дремотных волн, и звезд лелеяла краса
И волны, и эфир, и мрак, и небеса.
На палубе сидел, накинув плащ широкий,
Влюбленный юноша, красивый, черноокий;
Он думой тайною в родимый край летал,
Где брак с прекрасною счастливца ожидал.
Гитары трепетной со звонкими струнами
Сливал он песнь любви над тихими
волнами;
Он пел, воспламенен девичьей красотой,
И встречу первую с невестой молодой,
И взгляды робкие, и лепет торопливый,
И буйный пламень свой, и жар ее стыдливый,
И грудь лилейную, и шелк ее кудрей,
И алые уста, и томный блеск очей.

Он пел, — и сердце в нем от неги замирало,
Одной невестою, одною лишь дышало.
И мнилось, — для нее, для их святой любви
Часы полночные так сладостно текли,
Для них вкруг корабля вздымался пар
душистой,
И сноп серебряный дрожал в лазури чистой
Дремотных волн, и звезд лелеяла краса
И волны, и эфир, и мрак, и небеса.

1834

ОБМАНУТОЕ СЕРДЦЕ

О ты, ночь моя, ноченька,
Ночь ты лунная, ночь морозная,
Как тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное — безнадежное!

Страшно мне: мой уголок,
Как могила, вкруг чернеет;
Разведу я огонек —
Дуб трещит и пламенеет,
Свет багровый на стенах
Чудно зыблется в очах;
И дохнуть не смею я, —
Тени бродят вкруг меня.

О, зачем я рождена
Вянуть бедной сиротою!
Жизнь моя отравлена
Неотступною тоскою;
Светлый призрак в тяжком сне
На беду являлся мне;
Даль мою затмил туман —
Сердцу был во всем обман.

На заре весны моей
Голубка я приучила,

Он был друг невинных дней.
О, как я его любила!
Снегом белым он сиял,
Томно, нежно ворковал;
Но, как легкий ветерок,
Улетел мой голубок:

В бедном садике моем
Рдела роза полевая.
Любовалась я цветком;
Часто, горе забывая,
К розе с свежею волной
Я бежала в летний зной.
Туча бурная нашла —
Розу молния сожгла.

Был друг милый у меня! ..
Ночь, ты знаешь, ты видала,
Как в пылу безумном я
Друга к сердцу прижимала;
Вспомни: он твоей луной
Мне клялся, что будет мой. —
Но тень бродит... страшно мне!
Не душней в могильном сне.

О ты, ночь моя, ноченька,
Ночь ты лунная, ночь морозная,
Как тревожишь ты сердце томное,
Сердце томное — безнадежное!

1834

К НЕВЕРНОЙ

Когда прощался я с тобою,
И твой корабль стремился в путь, —
Какой ужасною тоскою
Моя тогда стеснялась грудь!
Унылой мрачностью оделось
Души цветущей бытие,
И мне, безумному, хотелось
Всё сердце выплакать мое.

Кто б мне сказал, что роковая
Пора минует, и что мне
Тужить, об ней воспоминая
Как о прекрасном милом сне?
И то сбылось — и ты явилась,
Опять пленительна красой;
Но уж любовь не возвратилась,
Ни радость жизни молодой.

Когда опять взыграли волны
С назад плывущим кораблем,
И прибежал я, неги полный;
В восторге сладостном моем,
Когда душа моя кипела,
Бледнел, дрожал, смущался я:

Ты не краснела, не бледнела,
Взглянула просто на меня.

С тех пор простился я с мечтами,
Смотрю в слезах на божий свет;
За ночью ночь и день за днями
Текут, текут, — а жизни нет.
Одно лишь в памяти унылой, —
Как наша молодость цвела,
Когда прелестною, счастливой
Ты для меня и мной жила.

Бывало, пылкою душою
Я всё, что свято, обнимал,
И быв твоим, любим тобою,
Я сам себе цены не знал;
Но розлил взгляд твой безнадежной
Могильный холод вкруг меня, —
Он отравил в груди мятежной
Весь жар небесного огня.

И мрачной томностью крушимый,
Не знаю я, как с сердцем быть,
И образ, столь давно любимый,
Боюсь и помнить и забыть.
В тревоге дум теряя силы,
Почти без чувств скитаюсь я,
Как будто вышел из могилы,
Как будто мир не для меня.

Хочу, лишен всего, что мило,
Страшась сердечной пустоты, —

Чтоб мне хоть горе заменило
Всё то, чем мне бывала ты,
Чтоб об утраченной надежде
Душой взбунтованной тужил;
Хоть нет того, что было прежде,
Но я б попрежнему любил.

1835

ОТРЫВОК ИЗ 4 ПЕСНИ „ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА“

(Лунная ночь. Лорд Байрон бродит один по развалинам Колизея; бьет полночь)

О время, мертвых украшатель,
Целитель страждущих сердец,
Развалинам красот податель, —
Прямой, единственный мудрец!
Решает суд твой неизбежной
Неправый толк судей мирских.
Лишь ты порукою надежной
Всех тайных чувств сердец людских,
Любви и верности, тобою
Я свету истину явлю,
Тебя и взором и душою,
О время-мститель! я молю.

В развалинах, где ты священный
Для жертв себе воздвигло храм,
Младой, но горем сокрушенный,
Твоею жертвою — я сам.

О Немезида! чьи скрижали
Хранят злодейства, в чьих весах
Века измены не видали,
Чье царство здесь внушало страх;

О ты, которая с змеями
Из ада фурий созвала,
И строго суд творя над нами,
Ореста мукам предала!
Восстань опять из бездны вечной!
Явись, правдива и грозна!
Явись! услышь мой вопль сердечной!
Восстать ты можешь — и должна.

Быть может, что моей виною
Удар мне данный заслужен;
И если б он другой рукою,
Мечом был праведным свершен, —
То пусть бы кровь моя хлестала! . .
Теперь пролиться ей не дам.
Молю, чтоб на злодеев пала
Та месть, которую я сам
Оставил из любви... Ни слова
О том теперь, — но ты отмстишь!
Я сплю, но ты уже готова,
Уж ты восстала — ты не спишь.

Нет в этом веке принужденья,
И я не ужасаюсь бед;
Где тот, кто зрел мое смятенье
Иль на челе тревоги след?
Но я хочу, и стих мой смеет —
Нести потомству правды глас;
Умру, но ветер не развеет
Мои слова. Настанет час! . .
Стихов пророческих он скажет
Весь тайный смысл, — и от него

На голове виновных ляжет
Гора проклятья моего.

Тому проклятью — быть прощеньем!
Внимай мне, родина моя!
О небо! ведай, как мученьем
Душа истерзана моя!
Неправды омрачен туманом,
Лишен надежд, убит тоской;
И жизни жизнь была обманом
Разлучена, увы, со мной!
И только тем от злой судьбины
Не вовсе сокрушился я,
Что не из той презренной глины,
Как те, о коих мысль моя.

Обиду, низкие измены,
Злословья громкий, дерзкий вой,
И яд его шумящей пены,
И злобу подлости немой
Изведал я; я слышал ропот
Невежд, и ложный толк людей,
Змеиный лицемерья шопот,
Лукавство ябедных речей;
Я видел, как уловка злая
Готова вздохом очернить,
И как, плечами пожимая,
Молчаньем хочет уязвить.

Но что ж? я жил, и жил не даром!
От горя может дух страдать,
И кровь кипеть не прежним жаром,

И разум силу потерять, —
Но овладею я страданьем;
Настанет время, — надо мной,
С последним сердца трепетаньем,
Возникнет голос неземной,
И томный звук осиротелой
Разбитой лиры тихо вновь
В груди теперь окаменелой
Пробудит совесть и любовь.

1835

К ПОЛЕВОЙ МАРГАРИТКЕ,

КОТОРУЮ РОБЕРТ БОРНС, ОБРАБОТЫВАЯ СВОЕ ПОЛЕ, НЕЧАЯННО СРЕЗАЛ ЖЕЛЕЗОМ СОХИ В АШЕЛЕ 1786 г.

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час: тебя в красе
Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
Спасти тебя!

Не пестрый, резвый мотылек
Теперь твой нежный стебелек
На дерн, увлаженный росой,
Порхая, гнет;
К тебе румяною зарей
Он не прильнет.

В холодном поле ветр шумел,
И дождик лил, и гром гремел;
Но туча мрачная прошла,—
Меж тем в глуши
Ты нежно, тихо расцвела,
Цветок любви.

Сады дают цветам своим
Приют и тень — и любо им;
Но сироту, красу полян,
Кто сбережет?
От зноя туча, иль курган
От непогод?

Из-под травы едва видна,
Цвела ты прелести полна,
И солнца луч с тобой играл;
Но тайный рок
Железо острое наслал —
Погиб цветок...

Таков удел, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна.

Певцу удел такой же дан:
Бушует жизни океан,
Не видно звезд, а он плывет, —
Надежда мчит;
Он прост душой, он счастья ждет...
Челнок разбит.

И добрый, злыми утеснен,
Тому ж уделу обречен:
Никто ничем не упрекнет, —
А жил в слезах;

Приюта нет; он отдохнет. .
На небесах!

И я горюю о цветке;
А, может быть, невдалеке
Мой черный день; и как узнать,
Что бог велел?
Не о себе ли горевать
И мой удел? ..

1835

ЖНЕЦЫ

Однажды вечерел прекрасный летний день,
Дышала негою зеленых рощей тень.
Я там бродил один, где синими волнами
От Кунцевских холмов, струяся под Филями,
Шумит Москва-река; и дух пленялся мой
Занятья сельского священной простотой,
Богатой жатвою в душистом тихом поле,
И песнями жнецов, счастливых в бедной доле.
Их острые серпы меж нив везде блестят,
Колосья желтые под ними вкруг лежат,
И, собраны жнецов женами молодыми,
Они уж связаны снопами золотыми;
И труд полезный всем, далекий от тревог,
Улыбкою отца благословляет бог.
Уж солнце гаснуло, багровый блеск бросая;

На жниве кончилась работа полевая,
Радушные жнецы идут уже домой.
Один, во цвете лет, стоял перед мной.
Его жена мой взор красою удивляла;

С младенцем радостным счастливая играла
И в кудри темные вплетала васильки,
Колосья желтые и алые цветки.
И жнец на них смотрел, и вид его веселый

Являл, что жар любви живит удел тяжелый;
В отрадный свой приют уже сбирался он...
С кладбища сельского летит вечерний
звон, —
И к тихим небесам взор пылкий устремился:
Отец и муж, душой за милых он молился,
Колена преклонив. Дум набожных полна,
Младенца ясного взяла его жена,
Ручонки на груди крестом ему сложила,
И, мнилось, благодать их свыше осенила.

Но дремлет все кругом; серебряный туман
Таинственной луной рассыпан по снопам,
Горит небесный свод нетленными звездами, —
Час тайный на полях, час тайный над
волнами.
И я под ивою сидел обворожен,
И думал: в жатве той я видел райский сон.

И много с той поры, лет много миновало,
Затмилась жизнь моя, — но чувство не
увяло.
Томленьем сокрушен, в суровой тьме ночей,

То поле, то жнецы — всегда в душе моей;
И я, лишенный ног, не наслаждаясь
зреньем, —
Я сердцем к ним стремлюсь, лечу
воображеньем,
Моленье слышу их, — и сельская чета
Раздумья моего любимая мечта.

1836

ДУБ

Краса родной горы, с тенистыми ветвями,
И крепок, и высок являлся юный дуб;
Зеленые кусты с душистыми цветами
Кругом его растут.

Игривый ручеек отрадной свежей влагой,
Струяся близ него, приветливо шумел,
И мощный сын дубров с какою-то отвагой
Чрез поле вдаль смотрел.

И, младостью цветя, грозы он не боялся —
От гроз живей весна, меж туч ясней лазурь —
Сверканьем молнии и громом любовался,
Дышал под свистом бурь.

И видел вкруг себя во всем красу природы;
Он думал, что она ему не изменит,
И дерзостно мечтал, что ветер непогоды
К нему не долетит.

Но вдруг небесный свод оделся черной тучей,
И ливнем хлынул дождь, и бурный ураган

Клубяся налетел, взвивая прах летучий,
И дол покрыл туман.

Зеленые кусты с душистыми цветами
Он с корнем вырывал, и светлый ручеек
Закидан был землей, каменьями и пнями,—
Исчез отрадный ток.

Гром грянул, молния дуб крепкий опалила;
Дуб треснул, но грозой он не был сокрушен:
Еще осталась в нем стесненной жизни сила,
Хоть вянуть обречен.

Отрадной влаги нет, и нет земли родимой,
На коей вырос он, красуясь меж долин;
На голой уж горе теперь, судьбой гонимый,
Остался он один.

Увы, надежды нет, и стрелы роковые
Бедой отравлены, всё рушат и мертвят;
Одни лишь небеса, как прежде голубые,
Над гибнущим блестят.

И начал сохнуть дуб; но, к долу не склоненный,
Он, ветви вознося, казал их облакам,
Как будто бы своей вершиной опаленной
Стремился к небесам.

1836

ТАЙНА

В лесу прибит на дубе вековом
Булатный щит, свидетель грозных сеч;
На том щите видна звезда с крестом,
А близ щита сверкает острый меч.

И свежую могилу осеняет
Тенистый дуб, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу во тьме ночной.

Промчался день, опять порой урочной
Ночь темная дубраву облегла;
Безмолвно всё, и медь уж час полночной
На башне бьет соседнего села.

И никогда страшнее не темнела
Осенняя ночь: она сырою мглой
Дремучий лес, реку и холм одела —
Везде покров чернеет гробовой.

Но меж дерев багровый блеск мелькает,
И хрупкий лист шумит невдалеке,
И факел дуб вблизи уж озаряет:
Его чернец в дрожащей нес руке.

К могиле шел отшельник престарелый,
И вместе с ним безвестно кто, в слезах,
Идет, бледней своей одежды белой;
Печаль любви горит в ее очах.

И пел чернец по мертвом панихиду,
Но кто он был, — чернец не поминал;
Отпел, вдали сокрылся он из виду,
Но факел всё в тени густой мерцал.

На свежий дерн прекрасная упала
И, белую откинув пелену,
Потоки слез по мертвом проливала,
Могильную тревожа тишину;

Отчаянная, очи голубые
На щит она внезапно подняла,
И, локоны отрезав золотые,
Кровавый меч их шелком обвила;

Безумья яд зажегся в мутном взоре,
Сердечный вопль немеет на устах.
Она ушла, и лишь в дремучем боре
Таинственный один остался страх;

И меж дерев уж факел не мерцает,
Не шепчет лист, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу при тьме ночной.

1836

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(Из Мильвуа)

В тиши села уединенной
Младой страдалец грустно жил,
И, долгой мукой утомленный,
Он добрым людям говорил:
Уж в церковь нашего селенья
Вас призывают на моленья,
В вечерний колокол звоня;
Молитесь богу за меня.

Когда ж дубрава обнажится,
Туманы лягут над водой,
Тогда скажите: не томится
Теперь страдалец молодой. —
Но вы меня не забывайте,
В унылых песнях поминайте,
И, слыша звон с кончиной дня,
Молитесь богу за меня.

Пред хитрой, злобной клеветою
Я дам всю жизнь мою в ответ,
И с непорочною душою
Без страха я покину свет.
Недолог был мой путь унылой, —

В моей весне уж над могилой
Стою в слезах; к ней путь склоня,
Молитесь богу за меня.

Мой милый друг, мой друг прекрасной!
Я думал долго жить с тобой;
Но жертвою мечты напрасной,
Мой век минутой был одной.

О! сердца нежного тревогу
Простите ей; молитесь богу,
Услыша звон под вечер дня,
И за нее, и за меня.

1836

РАЗЛУКА

Стансы

На каменной горе святая
Обитель инокинь стоит;
Под той горой волна морская,
Клубяся, бурная шумит.

Нежна, как тень подруги милой,
Мелькая робко в облаках,
Луна взошла, и блеск унылой
Дрожит на башнях и крестах.

И над полночными волнами,
Рассея страх в их грозном сне,
Она жемчужными снопами
Струится в зыбкой глубине.

Корабль меж волн, одетых мраком,
Был виден, бурям обречен,
И уж фонарь отплытья знаком
Был на корме его зажжен.

Там бездны тайной роковою
Судьба пловца отравлена,

А здесь небесной тишиною
Обитель инокинь полна.

Пловец крушится, обнимая
Весь ужас бед, — надежды тень;
А здесь отшельница святая
Всю жизнь узнала в первый день.

Но есть за мирными стенами
Еще любви земной обман;
Сердца, волнуемы страстями,
Страшней, чем бурный океан!

Стремя свой взор к стене угрюмой,
Один в безмолвии ночном,
Встревожен кто-то мрачной думой,
Сидит, таяся под плащом.

Он молод, но следы печали,
Тоска и память черных дней
На бледном лике начертали
Клеймо губительных страстей.

И вдруг лампада пламенеет
В убогой келье на окне,
И за решеткою белеет
Подобье тени при огне. —

И долго... Но уж миновала
Ночная тьма, на небесах
Румяная заря сияла, —
Исчезли призраки и страх.

И виден был далеко в море
Корабль, и вдаль он путь стремил,
И уж пловца младого горе
Разлучный ветер уносил.

1836

ЭЛЕГИЯ.

Зачем весенний ветерок
Так надо мной любовно веет,
Шумит игривый ручеек,
И роза нежная алеет?
Душа тревогам предана, —
Не уловить мне наслажденья:
В чаду томительного сна
Мне радость — будет искушенье!

Смотреть, в уделе роковом,
На мир, красой одушевленный,
И знать, что я уж в мире том
Жилец напрасный и забвенный —
О нет! без веры, в тьме страстей,
Душа невольно бы молила,
Чтоб расступилася скорей
Моя холодная могила!

Едва лишь оживлен мечтой —
Существенность мертвит бедами;
Хочу ли петь — но голос мой
Внезапно подавлен слезами.
И жизнь, стирающая тень,
Везде, во всем страшней, страшней;

Как черен был вчерашний день!..
Проснулся — день еще чернее!

Но вдруг из туч мне блещет свет,
Душе какой-то слышен голос;
Он в те минуты мне привет,
Когда от страха дыбом волос!
И мнится: то небесный звук,
И на устах замрет роптанье,
И мило мне томленье мук, —
В них есть свое очарованье!

О, сердца пылкого любовь!
Отрада ты моя святая!..
И если б жизнь я начал вновь,
То снова, крест мой обнимая,
Благословясь, пошел бы я,
Не устрашен былой тревогой,
Долиной той, и той дорогой,
Где горе встретило меня!

1837

ПЕСНЯ

Солнце красное, о прекрасное,
Что ты тратишь блеск в глубине лесов?
Месяц, дум святых полунощный друг,
Что играешь ты над пучиною?
Ах! уж нет того, чем душа цвела,
Миновало всё — всё тоска взяла!

Ветры буйные — морю синему,
Росы свежие — полевым цветам,
Горе тайное — сердцу бедному!

Песни слышу я удалых жнецов,
Невеселые, заунывные;
Пляски вижу я молодых красот, —
Со слезой в очах улыбаются.
И у всех у нас что-то дух крушит,
И тоска свинцом на сердцах лежит.

Ветры буйные — морю синему,
Росы свежие — полевым цветам,
Горе тайное — сердцу бедному!

Загорелась вдруг в небе звездочка, —
Тихо веет нам весть родимая

Вот в той звездочке — радость светлая:
Неизвестное там узна́ется;
Но святой красы в небесах полна, —
Между волн во тьме здесь дрожит она.

Ветры буйные — морю синему,
Росы свежие — полевым цветам,
Горе тайное — сердцу бедному!

1838

СТАНСЫ

Настала тень осенней длинной ночи.
Крушился я, страданьем утомлен,
Искали сна мои печальны очи,
Но их давно покинул сладкий сон.

И я летал в дали, душою зримой:
Младые дни мелькали предо мной
Во всей красе своей невозвратимой
И с мрачной их внезапною грозой.

Но сердце вдруг мечтою возвышенной
В груди моей кипит оживлено,
С тревогой дум, надеждой примиренной,
Подумал я: несчастье... что оно?

Оно — гигант, кругом себя бросая
Повсюду страх, и ноги из свинца,
Но ярче звезд горит глава элатая
И дивный блеск от светлого лица.

Подавлен тот свинцовыми ногами,
Пред грозным кто от ужаса падет,
Но озарен блестит его огнями,
Кто смело взор на призрак возведет.

За тяжкий крест получит он замену:
Забытый гость счастливцами земли
Душой поймет священной дружбы цену
И жар святой, таинственной любви.

Его удел — живые впечатленья,
Житейским сном уж грудь не стеснена,
В слезах своих найдет он наслажденья, —
Страдальца жизнь высокого полна.

Так пыл мечты в грозе красу нам кажет,
Быстрее путь в час бури по волнам, —
И сколько тайн прекрасных горе скажет
Тому, чей дух стремится к небесам!

В его душе звук совести ясчее,
Луч правды чист, и бледен страх людской;
Он думает, он чувствует сильнее, —
Не узником он прихоти мирской.

Летучий вихрь равно в полях разносит
Ковыль-траву и розовый листок,
И якоря, увы! никто не бросит
В сияющий, но бурный жизни ток.

О жизнь! теки: не страшен мрак могилы
Тому, кто здесь молился и страдал,
Кто, против бед стремя душевны силы,
Не смел роптать, любил и уповал.

1838

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Стансы

Блажен, кто мирно обитает
В заветном прадедов селе
И от проезжих только знает
О белокаменной Москве.

Не вдаль стремится он мечтою,
Не к морю мысль его летит, —
Доволен речкой небольшою:
Она светла, она шумит.

Не изменяясь в тихой доле,
Благословляя небеса,
Он всё на то же смотрит поле,
На те же нивы и леса.

Он сердцем чист, он прав душою;
Без дум высоких он умел
Одной вседневной добротою
Украсить бедный свой удел.

Ему страстей волненья чужды,
Не прерван ими сладкий сон,

Живет без прихотей, без нужды, —
И черных дней не знает он.

Вот дом уютный меж холмами,
В тени берез вот божий храм,
И вот погост с его крестами,
Где меж родных он ляжет сам.

И жив священник тот безвестный,
Который здесь его крестил,
Венцом с подругою прелестной
На радость жить благословил.

И радость с ними, — и всечасно
Она ему милей, милей,
И жизнь он тратит не напрасно
В земном раю семьи своей.

Привычка наслаждений мирных,
Веселые заботы дня,
Забавный страх рассказов дивных
Кругом вечернего огня, —

О вы, обычаи святые!
Любовь домашнего быту! —
Отрады ваши золотые
Лелеят жизни суету.

Преданья прежнего, родного
Душе пленительно хранить,
Блаженства сердцу нет другого,
Как жить одним, одно любить.

1838

ДРУГУ ВЕСНЫ МОЕЙ ПОСЛЕ ДОЛГОЙ, ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

О, удались! .. полуживого
В томленьи горестном забудь;
Ты острым пламенем былого
Зажгла встревоженную грудь.
Оставь меня! .. О, нет, .. побудь,
Побудь со мною, друг бесценной,
Пожми, как прежде, руку мне,
И сердца жизнью незабвенной
Лелей меня в печальном сне.
Уж речь твоя мой дух крушимый
Живит мечтами юных дней, —
Родимых песен звук любимый
В чужбине дикой не милей;
И рой знакомых впечатлений,
Тоску любовью осеня,
Как мир таинственных видений,
Мелькает, вьется вкруг меня.
Привет надежд, судьбы угрозы,
Волненье чувств, веселье, слезы,
Сердечной бездны глубина,
Всё то, чем жизнь мрачна, ясна,
И не сказать чего словами,
Что блещет радуги огнями,

Тревоги, нега, пыл страстей —
Воскресло всё в душе моей.

И мнится, снова видят взоры
Прелестный край, где начал жить,
Дербент и Воробьевы горы,
Где часто я любил бродить,
Обворожало где раздумье
Мое сердечное безумье,
Где жизнь лишь тем хотел ценить,
Чтоб быть любиму и любить.
Москва-река, моя родная!
Ты помнишь, в час вечерний дня
Бывало, мир в одно сливая,
Сижу, к тебе мой взор склоня;
Мой дух кипит в тревожной доле,
Люблю, любить хочу я боле.
Но звон несется к небесам,
И я стремлюся в божий храм;
Пред ликом девы пресвятой
Молитва пламенной душой
В небесном упованьи льется;
И уж отрадней сердце бьется, —
Звезда надежды зажжена.
Сбылись, сбылись мечты младые, —
И мне мелькнули дни златые,
И радость мне была дана.

О ты, мне верная в печали,
Участница моей весны!
Всегда ли дни твои сияли
Влияньем светлой тишины?

Ты кудри темные венчала
Всегда ль венком из алых роз?
Скажи, ужель ты проливала
Во тьме ночей потоки слез?
Сама не зная дум мятежных,
Ты знала в цвете ранних дней
Очарованье взглядов нежных
И обольстительных речей.
В груди, мечтами упоенной,
Недолго счастью обитать;
Но дум высоких жар священной, —
Поверь, — святая благодать!

Мой друг! быть может, мрак унылой,
Который жизнь мою затмил,
Тебя страшит, — но тайной силой
Мою он душу озарил.
Не вовсе я убит судьбою, —
Несокрушимое со мною:
Мне мил печальный мой удел,
Поладить с горем я умел;
Страданье чувство освятило, —
Его бедам не отравить.
Всё сердце любит, что любило,
Всё так же, тем же хочет жить,
И необманчивой надежде
Оно вверяется, как прежде.
Любовь, вдали земных тревог, —
Блаженства верх! — в любви сам бог.

1838

К П. П. МЯТЛЕВУ

На мшистом берегу морском
Один, вечернею зарею,
Сидишь ты в сумраке ночном,
Сидишь — и пылкою душою
Стремишься вдаль; на свод небес,
Мерцающий в тени сребристой,
На взморье, на прибрежный лес
С его поляною душистой,
На своенравных облаков
Летящий хоровод эфирный,
На дымные ряды холмов,
И на луну во тьме сапфирной —
Задумчиво бросаешь взгляд.
О, сколько сердцу говорят
Безмолвные красы творенья!
Как их пленительны виденья,
Одушевленные мечтой!
Они таинственного полны.
О дивном шепчет бор густой,
Шумят о неизвестном волны;
Надежду, радость, горе, страх,
Тоску о невозвратных днях,
Невольный ужас мрачной бездны,
Влеченья сердца в мир надзвездный

От них, сливаясь с душой,
Несет нам голос неземной.

И тихо в думу погруженный,
Ты взор обводишь вкруг себя,
Ты полон жизни вдохновенной,
Мечтая, чувствуя, любя.
С тобою в дни твои младые
Сбылись, сбылись мечты святые;
Благословляя твой удел,
Ты оценить его умел.
Но так, как буря с синим морем —
Так сердце неразлучно с горем;
И, может быть, творцом оно
Душе светильником дано.
Ты счастлив, друг, а долетали
И до тебя уже печали;
И тех давно теперь уж нет,
С кем зеленел твой юный цвет.
Но кто здесь встретился с тоскою,
И кто порою слезы льет,
Тот искушенною душою
Теснее радость обоймет.

Но уж пора, и меж древами
Ты видишь — блещет огонек;
Ты встал и скорыми шагами
Идешь в родимый уголок;
Твое отрадно сердце бьется,
Оно в груди твоей смеется:
Там ждет тебя и друг, и мать,
И дети с милою женою.

Любви семейной благодать,
О, что равняется с тобою!

Так часто я к тебе лечу,
Себя обманывая снами,
И тихо, тихо между вами
Пожить я в Знаменском хочу.
Влекомый легкостью природной,
Знакомкой резвой юных дней,
Почти забыл я, сумасбродной,
Что я без ног и без очей;
Но их, подругою заветной,
Моей мечтою я сберег...
Уж я иду в твой сад приветной,
Брожу и вдоль и поперек,
На божий храм золотоглавый
Стремлю я с умиленьем взгляд;
Приятен вид мне величавый
Боярских каменных палат;
Чрез поле, рощи и долины
Смотреть с тобой домчался я
На взморья зыбкие равнины,
На бег неверный корабля
И, как надеждою маня,
Играет им волна морская.
Но, томно берег озаряя,
Уж месяц встал — унылых мест
Давнишний друг. В твое жилище
Идем чрез сельское кладбище;
Там вижу вновь зеленый крест,
И вспомнил я твою балладу...
Ты дал усопшему отраду:

Подземный горестный жилец
Уж боле страха не наводит,
И в белом саване мертвец
В полночной тьме теперь не бродит.
Но я, мой друг, жалеть готов,
Что твой покойник меж гробов
Надолго перестал скитаться:
Я с ним хотел бы повстречаться;
И ты один тому виной,
Что он уснул в земле сырой.

Быть может, что, летя мечтами
Туда, где быть не суждено,
Я усыпил тебя струнами.
Итак, прости... Скажу одно:
О! счастлив тот, кто жизни цену
В младые дни уразумел,
И после бурь нашел в замену
Блаженный по сердцу удел;
Кто без святого упоенья
Очей не взводит к небесам,
Лелея мир воображенья,
Знакомый пламенным сердцам;
Кто знает, что в житейской доле
Любовь — прекрасному венец,
И каждый день кто любит боле,
Как сын, как муж и как отец.

1838

ФАННИ

Идиллия

Стремятся не ко мне с любовью и хвалами,
И много от сестры отстала я годами.
Душистый ли цветок мне юноша дарит,
Он мне его дает, а на сестру глядит;
Любуется ль моей младенческой красою,
Всегда примолвит он: как сходна я
с сестрою.
Увы! двенадцать раз лишь мне весна цвела;
Мне в песнях не поют, что я сердцам мила,
Что я плененных мной изменой убиваю.
Но что же, подождем, — мою красу я знаю;
Я знаю, у меня есть, в блеске молодом,
И алые уста с их ровным жемчугом,
И розы на щеках, и кудри золотые,
Ресницы черные, и очи голубые...

1839

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

(В ответ на ее послание)

Я арфа тревоги, ты — арфа любви
И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, —
Мил сердцу твой голос чудесный.

Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный, —
А ты горишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел прекрасный, нетленный!

1839

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Поэма «Чернец» выделена в особый раздел.

Ввиду того, что рукописного наследия Козлова почти не сохранилось, стихотворения приходится датировать большею частью по первому появлению в печати. Текст стихотворений, опубликованных до 1833 года, даем по изданию стихотворений Козлова 1833 года, повторенному без изменений (кроме несущественных исправлений) в 1834 году. Текст остальных стихотворений — по журнальным публикациям.

Чернец. По дневниковым записям Козлова начало его работы над поэмой датируется 1821 годом, окончание — 1824 годом. В 1825 году поэма была напечатана отдельным изданием.

К другу В. А. Жуковскому. Написано в начале 1822 года, вскоре после возвращения Жуковского из заграничного

путешествия. Напечатано в 1825 году в виде приложения к поэме «Чернец».

С В. А. Жуковским Козлов познакомился и сблизился в Москве в начале 1800-х годов и до конца дней имел в нем ближайшего личного друга и помощника как в литературных, так и в семейных и материальных делах.

Пять раз зеленые поля... — намек на болезнь, начавшуюся в 1816 году. *И сей разлуки год унылый, мой друг, был черным годом мне* — в 1821 году Козлов ослеп. Жуковский в это время находился за границей. *В стране, где посреди снегов...* — речь идет о Швейцарии, которую Жуковский посетил, путешествуя по Европе. *Светланой* называли Александру Андреевну Воейкову, урожденную Протасову, племянницу Жуковского (ей была посвящена баллада Жуковского «Светлана». Козлов был с ней очень дружен). *Когда Карамзина читаем...* — подразумевается труд Карамзина «История Государства Российского». Вышедшее в свет вместе с «Чернецом», стихотворение это было восторженно встречено и критикой и читателями. Многие отдавали ему предпочтение перед поэмой. Пушкин в письме к брату (в 1825 году) писал: «Повесть его (т. е. «Чернец». — *Е. К.*) — прелесть... Послание, может быть, лучше поэмы. — по крайней мере, ужасное место, где поэт опи-

сывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии».

Пленный грек в темнице. Написано и напечатано в 1822 году, в самый разгар греческого восстания против турецкого владычества. Национально-освободительное движение в Греции привлекало внимание и вызывало сочувствие в широких кругах русской интеллигенции.

Романс. Вольный перевод романса английского поэта Томаса Мура из его поэмы «Лалла Рук».

Певец свободы и любви — Байрон. Одно из самых известных и до сих пор популярных стихотворений Козлова. Положено на музыку (первая часть) М. И. Глинкой.

Байрон (А. С. Пушкину). Стихотворение это является одним из многочисленных в русской поэзии 20-х годов откликов на смерть Байрона, последовавшей 19 апреля 1824 г. в Греции, где поэт сражался на стороне восставших греков.

Скитался он долго в восточных краях... — в 1809 году, путешествуя по юго-востоку Европы, Байрон посетил Албанию, Грецию, Турцию, а также побывал в Малой Азии. *Но розы нежнее, свежее лилей Мальвины красы молодые...* — подразумевается женитьба Байрона на мисс Мильбанк, его несчастная

семейная жизнь с нею и развод. *И дочь не играла на сердце родном* — развод разлучил Байрона с его единственной и горячо любимой дочерью, оставшейся у матери. Известие о смерти Байрона повергло Козлова в «горесть, как смерть дорогого сына» (Дневник). «Эта поэма, — писал о стихотворении Козлова Белинский, — есть апофеоз всей жизни Байрона; в целом она не выдержана, но отличается поэтическими частностями».

Добрая ночь. Перевод романса «Прощание Чайльд Гарольда», заключенного между XIII и XIV строфами первой песни поэмы. Положенное на музыку, это стихотворение стало одним из популярных произведений русской городской песни.

Ирландская мелодия. Перевод стихотворения Томаса Мура.

Разбойник. Вольный перевод баллады Вальтер Скотта.

Плач Ярославны. Перевод знаменитого плача Ольги Ярославны из «Слова о полку Игореве».

Еврейская мелодия. Перевод из Байрона.

На отъезд. Перевод из Байрона. Напечатано с примечанием: «Стихи написаны

лордом Байроном в альбом одной молодой итальянской графине за несколько дней до отъезда своего в Мессолунги».

К Гнедичу. *Хиосский слепец* — Гомер. *Похититель небесного огня* — Прометей. *Салгир* — речка в Крыму. *Свободы меч...* — речь идет о греческом восстании, о морских победах над турками в 1822—1824 годах одного из деятелей восстания К. Канари («Пылают корабли»). *Вещий певец* — Байрон.

Княгине З. А. Волконской. Зинаида Александровна Волконская (1792—1862) — красавица московского света, поэтесса, композитор и певица. В 10—20-х годах прошлого века ее дом был средоточием литературной, музыкальной и артистической жизни Москвы.

Когда таинственная лира... — подразумевается поэма Томаса Мура «Лалла Рук», широко известная в России благодаря переводу 2-й ее части Жуковским («Пери и Ангел», 1821 г.). Главным действующим лицом поэмы является Пери — фантастический образ, заимствованный Муром из древнеиранской мифологии и олицетворяющий доброе начало. *Кашемир* — обширная долина у подножия Гималаев, где развертывается действие поэмы.

На погребение английского генерала Сира Джона Мура. Перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823). Джон Мур (1761—1809) — главнокомандующий английскими войсками в Португалии во время войны с наполеоновской Францией. Убит в сражении при Коруньи, где одержал победу над Наполеоном, и похоронен на поле битвы.

П. Ф. Балк-Полеву. — Петр Фед. Балк-Полев (ум. в 1849 г.), сановник, дипломат. Перевод эпиграфа: «Когда я обоняю резеду, мне кажется сначала, что я слышу звук, а затем, что я вижу форму».

К Италии — *Торквато* и *Певец Ерусалима* — Торквато Тассо. *Развенчанная царица волн морских* — Венеция. Жуковский путешествовал по Италии в 1821 году; но возможно, что имеется в виду его поездка в Германию и Францию в 1826—1827 годах, когда могло предполагаться и путешествие его в Италию.

Вечерний звон. Перевод стихотворения Томаса Мура, в свою очередь восходящего к стихотворению грузинского поэта XIII века Григория Мтацминдели. Положено на музыку композитором С. Мо-

нюшко и до сих пор остается популярным романсом.

Молодой певец. Перевод стихотворения Томаса Мура.

Обворожение. Перевод монолога из «Манфреда» Байрона (действие 1, явление 1).

К Тирзе. Вольный перевод стихотворения Байрона.

К морю. Вольный перевод строф CXXVIII—CXXXIII, 4-ой песни поэмы Байрона «Чайльд Гарольд».

Армада — огромный испанский флот, подготовленный для завоевания Англии в 1588 году и почти уничтоженный бурей. Трафальгор — мыс в Испании на берегу Атлантического океана, у которого в 1806 г. флот адмирала Нельсона одержал победу над французским флотом. Ночью после боя победивший флот понес большие потери от бури.

Акерманские степи. Это стихотворение, как и следующее за ним «Буря»,— перевод из книги стихотворений польского поэта Адама Мицкевича «Крымские сонеты».

Жду голоса с Литвы — Литва — родина Мицкевича, откуда он в 1824 году был выслан в Россию за участие в подпольных национально-освободительных организациях.

К тени Дездемоны. Эпиграф — слова Отелло, обращенные к Дездемоне перед убийством: «Молилась ли ты?» (в изданиях стихотворения Козлова эпиграф печатался с ошибками).

Воспоминание. На смерть А. А. Воейковой 14/26 февраля 1829 года в Италии.

Уголин (Уголино) — действующее лицо «Божественной комедии» Данте («Ад»).

Сон. Стихотворение представляет собой обзор ряда эпизодов из «Божественной комедии» Данте. Эпиграф «Дух моего сна изменился» взят из стихотворения Байрона. Графиня Дарья Федоровна Фикельмон — жена австрийского посла в России, вращалась в литературных кругах Петербурга.

Романс Дездемоны. Перевод из «Отелло» Шекспира.

Нас семеро. Одно из самых популярных в свое время стихотворений Козлова. Вольный перевод одноименного стихотворения Вордсворта.

Не наяву и не во сне. Перевод эпиграфа: «Песня, которая сказала тысячу вещей».

К А. И. Тургеневу. *Тень святая* — Карамзина. *Жил среди народа...* — в Англии. *Дуглас* — фамилия ряда деятелей истории Шотландии. *Мария* — т. е. Мария Стюарт.

Из трагедии — Дж. Б. Никколлини (1785—1861) — певец национально-освободительного движения в Италии. Трагедия «Джованни ди Процида» опубликована в 1830 г.

Стансы. Вольный перевод сонета Петрарки.

Сон ратника. Варна — турецкая крепость, взятая русскими войсками в сентябре 1828 года.

К полевой маргаритке. Перевод стихотворения Роберта Бернса.

Сельская жизнь. Стихотворение построено как своеобразная вариация на тему знаменитого эпоса Горация.

Другу весны моей. Дербент — подмосковное имение графов Пушкиных, где часто бывал Козлов в дни молодости.

К И. П. Мятлеву. Иван Петрович Мятлев (1796—1844) — поэт, автор известной в свое время книги «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой» (1840—44 гг.), один из друзей молодости Козлова.

Знаменское — подмосковное имение Мятлевых.

Фанни. Перевод идиллии А. Шенье.

Княгине З. А. Волконской. Написано в ответ на послание Волконской Козлову, в котором она говорила:

Ты арфа страданья,
Ты арфа терпенья, —
Ты арфа с душой.

Основные издания стихотворений И. Козлова

Чернец. Поэма Ивана Козлова. Спб., 1825 г.

Стихотворения Ивана Козлова. Спб., 1828 г.

Собрание стихотворений Ивана Козлова. ч. I и II. Спб., 1833 г. Издание повторено в 1834 г.

То же. 1840 г. Под ред. В. А. Жуковского (посмертное издание).

Стихотворения Козлова. Изд. исправленное и дополненное под ред. Введенского. Спб., изд. А. Ф. Маркса, 1892 г.

Стихотворения Козлова под ред. Ц. С. Вольпе — в кн.: И. Козлов и А. Подолинский. «Советский писатель», 1936 г. (Библиотека поэта. Малая серия № 22).

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Козлов. *Статья Е. Н. Купреяновой* V

Чернец 1

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу В. А. Жуковскому 27
Пленный грек в темнице 41
Прости 43
Романс 47
Пловец 49
Венецианская ночь 51
Байрон 55
К радости 60
Добрая ночь 62
Ирландская мелодия 66
Разбойник 68
К княгине М. А. Голицыной 72
Плач Ярославны 74
Еврейская мелодия 77

На отъезд 78
К Н. И. Гнедичу 79
Княгине З. А. Волконской 82
На погребение английского генерала Сира Джона Мура 84
Новые стансы 86
П. Ф. Балк-Полеву 88
Киев 90
К Италии (В. А. Жуковскому) . . . 92
Вечерний звон 95
Молодой певец 96
Обворожение 97
К Тирзе 100
К морю 103
Акерманские степи 106
Буря 107
Заря погасла 108
К тени Дездемоны 109
Воспоминание 14-го февраля 110
Сон 112
Романс Дездемоны 116
Нас семеро 117
Тоска по родине 120
Не наяву и не во сне 122
К А. И. Тургеневу 124
Из трагедии Николини 127
Стансы 129
Два челнока 130
Сон ратника 134
Беверлей 136
Ночь 139
Обманутое сердце 141

К неверной 143
Отрывок из 4-ой песни «Чайльд Гарольда» 146
К полевой маргаритке 150
Жнецы 153
Дуб 155
Тайна 157
Сельская элегия 159
Разлука 161
Элегия 164
Песня 166
Стансы 168
Сельская жизнь 170
Другу весны моей 172
К И. П. Мятлеву 175
Фанни 179
Княгине З. А. Волконской 180

Примечания 181

Редактор Г. Гуковский

Технический редактор А. Кирнарская. Художник Л. Хижинский. М 10589. Подписано к печати 21/VI-1948 г. Печ. л. 3⅝. Уч.-из. л. 9,35. А. л. 9,01 Тираж 20 000. Цена 7 руб. 25 коп. Заказ № 1555. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета